

У 83

Виктор Устяницев

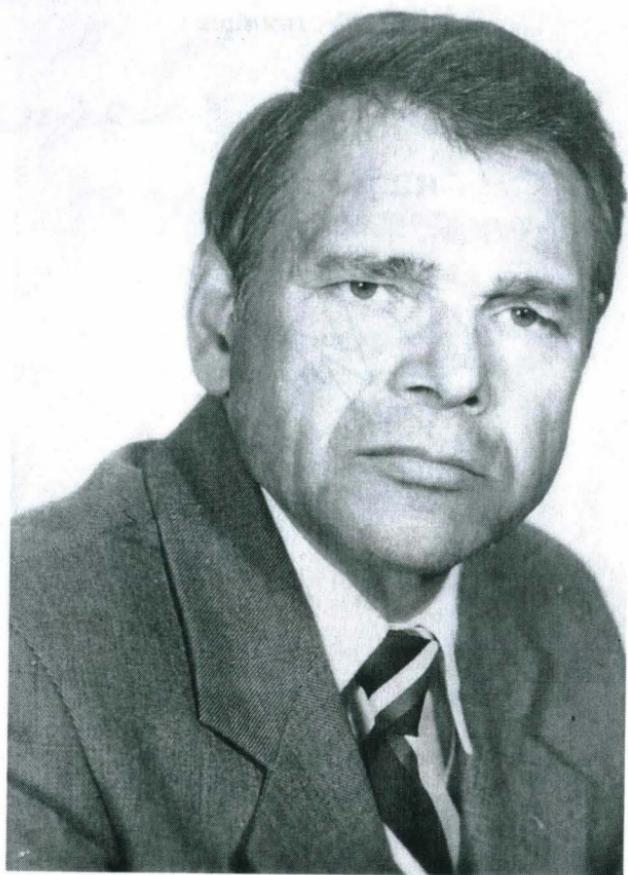
Рифмы
на дорогах

Четыреххвостый
бичевник ? . белово
от астрея

в газ
8 апреля 2016

Василий

ЕВГЕНИЯ
Смирнова

84(2Р-4Кем)6
9-83

Виктор Устьянцев

Рифмы на дорогах

*Стихи
разных лет*

105349-3

218

Белово
2016

о себе

Раз как-то в поезде меня спросил старик:
«Ты чей, сынок? к примеру, я - калужский...»
Он сед был, словно натянул парик,
Свисали волосы на лоб, как стружки.

Его вопрос меня застал врасплох.
Я рос в вагонах, как цыган в повозках.
И потому, назвать родным бы мог
Любой вокзал, что видел из окошка.

Как говорят, уж такова судьба.
Она меня с рождения носила.
Я б у любого выпрыгнул столба,
Да не в моих совсем то было силах.

Видать, любила бабушка цыган-
И воспылала страсть в отце к дорогам...
Потом войны кровавый ураган
Кружил и гнал к неведомым порогам.

И полюбил я реки и поля.
Милей всех джазов мне – колёс чечётка.
Вот только «Чей, откуда родом я» -
Ответить деду не сумел я чётко.

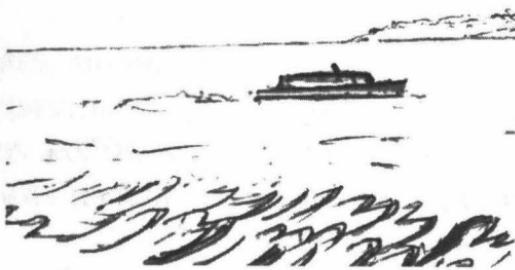
Я из Кузбасса, Крыма, из Москвы.
Мне Сталинград разбомбленный –
наследство.

А как Амур мне дорог, знали бы!
И это всё - и Родина и детство.

1999

Синий морской
Все синие волны
Все синие берега
Синий синий синий.

Простите, чаики

* * *

Как вспомню Крым,
так сердцу больно.

Проклятые враги
сегодня там,
Где медная русалочка
с ребёнком

Печально смотрит вслед
Ушедшим кораблям..

Ты потерпи, и мы к тебе
вернемся,
Пускай не все,
но все—таки придём.

Мы в этом, медная русалочка
клянемся!

Мы радость, верь,—
тебе опять вернём.

1942 Сев. Кавказ, Теберда

русалка

Л.Кучере

Когда луна полночная
Отчетливо сверкнёт,
Русалка белокурая
Мне песенку споёт.

Споёт русалка песенку
И скроется в волне,
И чайки белокрылые
Промчатся в вышине.

Я крикну: «Чайки милые,
Возьмите вы меня!»
И с облака далекого
В пучину кинусь я...

Звени, волна прибрежная!
Луна, свети, плени!
С русалкой белокурою
Вам не найти меня...

6 класс
Комсомольск – на - Амуре

крым

Волшебный Край! Кто видел - не забудет
Скалистый берег, пенистый прибой...
Как часто он порой ночною будит
Из ранних лет воспоминаний рой!

Под шум волны мне грезилось когда-то:
За золотым руном плывёт Ясон.
«Скорей, скорей!» - в удачу веря свято,
Свой клич бросал сквозь дождь и ветер он.

В глаза смотрела в полночь мне русалка.
Я их тогда испуганно смыкал.
Ах, как потом её мне было жалко,
Когда она с крутых ныряла скал!

И каждый день, не ведая печали,
В любую сказку веря не шутя,
Казалось мне: стоял я на причале
И вдаль смотрел, и был матросом я...

И вдруг нежданно полетели бомбы.
От прежних сказок лишь остался дым.
Одни ушли в леса и катакомбы,
Клялись другие: «Мы вернёмся, Крым!»

Военных лет растаяли невзгоды...
Готов любить я нынче край любой,
Но не забыть младенческие годы,
Скалистый берег, пенистый прибой!

1947

Мне письму
Сот-вдюй листами
Своё руною
И волнистым
Но склоняя
Пронится в сущем
Словоць энм
Л краину, съезжай
Вонькою жажды
И с облачкою
В пучину юности

Листы мои, съезжай
Ласки, нальяши
Луна, спрятавшись
С руслою боях
Вам не найти

Ладомод таинственное
Б краю колыбельное
Вонькою дымка
«Смытъ», вонъ, вонъ

моей школе

То ли это всё было?
То ль не было вовсе?
Белый снег...Школьный двор...
И весёлый звонок.
Двадцать пятая школа!
Пригласи меня в гости,
Чтоб всех, кто мне дорог,
Вновь увидеть я мог.

Я забыть не могу
Одноклассников лица,
Одноклассниц порою
Твержу имена.
Отчего же разлука
Нелепо так длится?
Чья, никак не пойму я,
В том злая вина?

Разве счастлив я
Дружбою школьною не был?
И была мне любая беда –
не беда.
Но растаяло детство,
как облако в небе,
Чтобы больше уже
не приплыть никогда...

Где теперь Вы,
Елена Богдановна? Где Вы?
Так прекрасен когда-то
был строгий Ваш лик!..
Где русалочка Люда,
сидевшая слева?
Её косы, наверное,
кто-то остриг.

Не о ней ли стихи
я писал на уроке?
Рисовал ее профиль
тайком ото всех.
Ах!.. Года размели
те рисунки и строки,
Превратив её облик
в мелькающий снег...

Я б хотел появиться
в том городе снова,
Где, как море, – Амур
и где берег высок,
И нечаянно встретить
вдруг Кольку Петрова.
«Сколько зим, - прокричать ему, -
школьный дружок!..»

Кто? И что ты?..
К чему и зачем мне всё это?
Лишь бы весел, как прежде,
ты был и здоров...
Я и сам для себя
как вопрос без ответа,
А в итоге –
лишь горы наломанных дров.

Я сегодня
как будто бы странник в пустыне.
Никого ни друзей,
ни наставников близь.
В этом только лишь сам я,
Наверно, повинен...
Двадцать пятая школа,
и всё ж - отзовись!

И поверь, не причуда,
что вспыхнула, тлея –
Этот крик мой
и, может быть, голос в ответ.
Потому что, чем ты,
в моей жизни светлее
Ничего, никогда
не бывало, и нет.

1989

Отчего мне так грустно становится?
Я рыдал бы, но слез не найти.
Суждено ли тебе успокоиться,
Сердце страстное в пылкой груди?

Я так молод, чтоб жизнь мне наскутила.
Только болен я всё же тоской.
Не любовь меня вовсе измучила,
Не она мой украла покой.

Жаль мне годы. Жаль юность мятежную,
Что пошла по неверной тропе.
Сколько сил я убил в бесполезную,
Сколько чувств схоронил я в себе!

Через лес, что туманом окутанный,
Как слепой, наугад я бреду...
Видно, ангел мой, сетью запутанный!..
Не зажёг надо мною звезду.

1951

И.А.Свердловой

Вошли в мой мир, как вор ночной,
без стука
Твои глаза, еврейский облик твой.
Мой каждый день сегодня – это мука!
Что с бедной мне поделать головой?

В огне мой ум... а ты невозмутима.
Ну, почему и отчего всё это так?
Ведь ты никем не будешь так любима,
Как я тебя люблю, поэт-чудак.

Над миром ночь... Чьи всё-таки я вижу
Такие мне знакомые черты?
То боль моя... Её я ненавижу,
Но и... люблю. Люблю. Ведь это ты.

1955

на перроне

Не в первый раз
стоять мне на перроне
И ощущать прощальную тоску.
Она пройдёт,
она в окне потонет
Под чей-то смех
и под колёсный стук.

Мне снова
дали крикнуть:
«Брось! Не надо!»
И, вырывая облегченья вздох,
Опять в груди
расправит крылья радость,
И странным станет,
что грустить я мог.

Года мои –
гудков густые звуки.
И пусть порой
не мог сдержать я слёз,
Я больше верил встречам,
не разлуке.
Ах, сколько раз
меня ты, поезд, вёз!

Меня везли ребёнком
в сорок первом
Сквозь бомб разрывы,
самолётный вой.
Я вот тогда и полюбил,
наверно,
В рубцах суровых
лик, Россия, твой...

Потом...
опять вокзалы и дороги.
И каждый раз
в ознобе стыла кровь.
Но забывал я все свои
тревоги,
Когда простор России
видел вновь.

Да, что-то есть
в её полях бессонных,
В просторе том...
а что, не разберу –
Сильней прощальной той
Тоски перронной,
Сильней того,
чем в сердце чьём-то грусть.

1969

вновь хочу увидеть море

Уезжаю от метелей,
Уезжаю от пурги,
Салаирских хмурых елей,
И от города Юрги,

От заводов, от разрезов,
Льдом закованной Томи...
Краток отпуска отрезок –
Грусть, мне сердце не томи!

Я люблю, Сибирь, твой иней,
Перелесков белый дым...
Но ведь есть ещё и синий,
С самым синим морем Крым.

В санаторных там палатах
Я лежал перед войной,
Феи добрые в халатах
Колдовали надо мной.

Колдовали над другими,
Чуть дышавшими, как я.
И слагали волны гимны,
В царство сказок унося...

А потом кромешной силой
Разнесло младенцев рай...
Где меня бы ни носило –
Тот забыть не в силах край.

Вновь хочу увидеть море,
Услыхать прибоя гром,
Лишь бы только боль и горе
Не звучали в громе том.

Имена тех фей, что были,
Чайки пусть напомнят мне...
Вы во мне, во мне, те были,
Словно камушки на дне!

С поднебесного утёса
Поклонюсь былому дню,
А печали отголосок
Ото всех захороню.

1971

простите, чайки

Я иду вдоль причала,
Я иду, как во сне...
Сколько лет ты звучала,
Песня моря, не мне!

То ли дуют зюйд-весты?
То ли дует норд-ост?
Только нынче от ветра,
Волны чуть ли не в рост.

Разбивается в брызги
Разъярённый прибой -
Вновь, мне чудится, близкий
Разгорается бой.

Вы простите мне, чайки!
В сердце снова испуг:
«Мессерами» нечаянно
Я представил вас вдруг.

Снова слышу: у пирса
Наших пушек пальба...
Вон он «фриц» задымился –
Не поможет мольба...

Все напутали ветры:
Дым от катера лишь,
А вверху над Ай – Петри
Несказанная тиши...

Мне лучами бы греться,
Слушать песню волны,
Но не вынуть мне детства
Из кассеты войны.

1971

эвакуация

Не позабуду детства дней:
Ни Ялту и ни санаторий,
Как искрилось, играло море,
Что в целом мире нет синей.

И вдруг врываются, как дивы,
В тот солнечный круговорот –
Ночь... Осень... 41-ый год...
И воюющих сирен надрывы...

Летели с неба бомбы градом...
Наперекор всему, во тьме
За санаторные ограды
Несли детей в минуты те.

А после, к трапу корабля
Нас уносили под обстрелом.
Горели моря и земля...
Отвага!.. всё преодолела.

Метали свет прожектора –
И настигала гибель «асов».
Велась как будто бы игра
До слепоты разящих красок...

Не издавали дети стон,
И каждый вёл себя как надо...
И отдалась канонада,
В ушах ещё оставив звон.

А за бортом неслась волна,
Из ада вырвав нас объятий,
И слышалось: врагу она
Изрыгивала гром проклятий.

1970

память

Крым...

Приветлив так горячий камень
И так нежно – ласков шум волны...

Мир пронизан
Радостью!.. Лучами!

Отчего же
Вновь перед глазами
41-ый,
Первый год войны?
Оттого,
Что мое детство было
Здесь...

У моря отнято врагом...
И уж никаким глубоким тылом
Было

Не вернуть его потом.
Как я мог потом опять смеяться,
Если

Слышался смертельный стон?
Мне тогда бы воевать и драться,
Но кулак был мал
И невесом.

В глазах моих
Моряк в бушлате,
Тот,
Что руку сжал, прощаясь, мне.
- Не грусти, малыш!..
За всё отплатим! –

До сих пор я слышу как во сне.
И всё время
Мысль тревожит ум:
- Беды
Все ли
Моряка минули?
Тем, что снова слышу моря шум,
Тем, что жив,
Обязан не ему ли?

1971

ОГОЛЬЦЫ

Нахаловка...война...
землянки...
Снега – под самою трубой.
А вниз, в лога, летели
санки,
Где огольцы толклись
гурьбой.
Работы самодельной лыжи
Тем санкам уносились
вслед.
Там не бывал никто унижен
За то, что был смешно
одет.
Неласковых времён тех
Дети,
Мы огольцами были
впрямь.
И рвал лохмотья встречный ветер,
Но был любой из нас
упрям.
С оторванным у шапки
ухом,
Быть может, был я
меньше всех,
Но, как и все,
с трамплина ухал
И падал кувырком я
в снег.

«Тот, что из плена,
- говорили, -
Стал посильнее наконец!»
И титул уличный дарили
Мне за отвагу-
«Оголец!»

1987

картинка из детства

Торговал я водой на базаре –
«Рупь» - и пей,
не напьёшься пока.
Не барыга с нахальною харей-
Ради черного хлеба куска.

Хлеб по карточкам
съеден до срока,
Полдекады ещё впереди.
И ломал я натуру жестоко,
Если мама просила: «Иди!».

Сказки
с скатертью – самобранкой!..
Только сытым от них
веселей.
Пополам с отрубями буханка
Триста стоила с лишнем
рублей.

Жаркий полдень...
Ни тучки, ни ветра...
Год был,помнится,
сорок шестой.
Босиком я за три километра
За холодною бегал водой.

Я вставал в тот же ряд, где
мальчишки
Торговали водой, как и я.
И не гнал нас базарный
с култышкой.
Брал лишь с каждого
по три рубля.

Он одною рукой самокрутку
Ловко скручивал, словно двумя.
И войну проклинал
не на шутку,
Взгляд куда-то порой устремя.

Барахолка шумела, как улей.
Продавали там спирт
на разлив.
Кто-то громко выкрикивал:
«Жу-у-лик!..»
Кто-то пел про измену навзыд...

Пыль немного когда
остывала,
Разгорался пожаром закат,
Брёл с буханкой домой я
устало,
Как из жаркого боя солдат.

Не видать бы базаров тех
сроду
И дорог, что тогда к ним
вели,

Только всё-таки,
пили там воду
И давали мальчишкам рубли.

1988

На берегу
Реки

Ходят

Пьяные
Бабы
Сами

Свадьба

С годами
Также

Люди
Дома

Быть
Свободой

Свободой
Быть

Свободой
Быть

Вот и снова снег голубоватый
Устелил пригорки и лога.
Только, словно в чем-то виноватый,
Робок и застенчив он пока.

Был и я таким - когда-то в детстве –
Чересчур мечтателен и чист...
Рад, зима, тебя я вновь приветствовать,
Пусть восходов холодны лучи!

По душе мне и мороз и иней.
И, как будто никаких забот, –
Вновь смотрю с восторгом в бледно - синий
Мест родных родной мне небосвод.

Время, ты меня не изменило:
Не похож давно я на юнца, –
Но всё то, что в детстве было мило,
Остается милым до конца.

1970

МАЛЬЧИШКИ

Мальчишки играют в войну.
Настроив из снега доты,
Они, защищая страну,
Ложатся на пулемёты.

Потом они снова встают,
Как будто – не убивало...
Никто им не скажет тут,
Что так на войне не бывало.

B. Булановой

Опять покрылось небо мглою,
И на душе опять серо.
Опять с томительной тоскою
Ищу бумагу и перо.

И что-то грустное и злое
Таит рябая муть в себе.
И мчится сердце молодое
К одной тебе, к одной тебе.

И рифмы вдруг возненавидев, -
Ныряю в непроглядный снег!
Чтобы тебя, тебя увидеть,
Тебя одну, одну из всех.

1950
Красноярск 9
ст. Базаиха

Стонет ставня, словно мёрзлый полоз.
Мёртвый свет свой месяц на пол льёт.
И далёкий, заунывный голос
Плачет, и рыдает, и поёт:

«Спи, умри, душа твоя устала.
Не горюй, не думай ни о чём.
Вас таких в земле уже немало...
Позабыли в мире обо всём.

Не горюй, расстанься с этим светом,
С этой глупой, бренной суетой.
Над холмом могильным с каждым летом
Пробыться будешь ты душой.

Равнодушным к ласке и обиде
Суждено тебе отныне быть.
Никого уж не возненавидеть,
Никого не будешь и любить...»

Лоб горячий тронув чуть рукою,
Понимаю я, что это - бред...
Из окна с космической тоскою
Месяц на пол разливает свет.

1954

За окном морозная,
голубая ночь.
Месяц улыбается,
светит во всю мочь...

Что ж ты разулыбился,
лысый чародей?
Много ль ума-разума
в голове твоей?

Вот глядишь ты призрачно
из-за облаков,
А тебя на землю бы –
Не был бы таков.

Злые люди-нелюди,
всё вокруг губя,
Быстро очернили бы
светлого тебя...

Чтоб не улыбался ты,
глядяuchi в лицo,
Сделали б калекою
или подлецом.

Оттого, наверно, ты
высоко залез...
Хорошо ли там тебе
в холоде небес?..

Знаю, ты не скажешь мне
ничего в ответ.

Разливай по-прежнему
свой холодный свет!

1954

Не горюй,
С этой стороны
Сод хорунжий
Проспектом

Разливай
Свой, по-прежнему
Холодный свет!

За окном всю ночь грустит гармоника...
Может, кто-то в первый раз узнал,
Как его, девичьих глаз поклонника,
Сердцеед какой-то обогнал.

И пускай в его груди смятение,
Плачет пусть гармоника о ней,
Разве он предъявит обвинение
Той, что всех безвинней и нежней?

Виновата разве в том любимая,
Что он так доверчив, но не смел?
Так пускай, пускай теперь с другим она,
Раз её увлечь он не сумел.

Ведь тому, кто в первый раз влюбляется,
О любви не рассказать своей...
Оттого, наверно, заливается
За окном какой-то «соловей».

1956

Здравствуй, май!.. Раскованность!..
Свобода!..

Долгожданный говор первых гроз!..
Сгинь, шальная, злая непогода!..
Прочь от сердца, холод и мороз!

Вновь душа отворена для страсти,
Для мечтаний светлых о любви...
Кто ты будешь, в чьей я буду власти?
Поскорей себя мне назови!

Будет час, быть может, предвечерний,
И закат уже начнет аletey –
Я приду к тебе как друг твой верный,
Только ты узнай меня и встреть!

Чувства я свои скрывать не стану –
Ждал тебя я слишком много дней.
Целовать тебя я не устану,
Ты со мною тоже будь нежней!

О былом не спрашивай, не надо,
Мрачных дум и грусть не наводи...
Здравствуй, май!.. Души моей – отрада.
Голубым огнем пытай в груди!

1954

майская ночь

Помню майскую ночь
в том заветном саду
И сирени кусты
в серебристом цвету.

Золотила луна
рябь седых облаков,
В грудь вливался волной
нежный запах цветов.

Нам не пели с тобою
тогда соловьи.
Без признаний и слез
мы открылись в любви.

Ты прижалась ко мне
от прохлады ночной...
До сих пор не пойму я,
что было со мной.

Целовались с тобой
мы тогда до утра.
Виновата в том
юная наша пора.

Незаметно и скоро
растаяла ночь...
Сколько лет с той поры
пролетело уж прочь!

Ничего не осталось
от юной любви.
Позабылись
и губы, и руки твои.

Только майская ночь
и тот сад при луне
Часто видятся мне,
часто видятся мне.

1956

свердловску

До свиданья! До новой встречи!
Милый город, я так привык
К твоим улицам, к твоей речи,
К зимним будням за чтеньем книг.

Под листвой зелёно-крылатой –
Это помню я, как сейчас, –
Ты принял меня, словно брата,
Незнакомого, в ранний час.

Душу юную взбудоражил,
Закружила и влюбил в себя.
И теперь вот мне странно даже,
Что с тобою прощаюсь я.

В полдень мой отбывает скорый,
И печален я, и счастлив.
Домом будут мне степь и горы,
Одеялом - зари разлив.

И когда будет звёздно, лунно,
А друзей не замрут голоса,
О тебе под шальные струны
Кину песенку в небеса.

1957
Свердловск

казахстанское утро

Тишина. Рассвет над Казахстаном.
Небо мутно, словно в молоке.
Тишина, но где-то неустанно
Тарахтят моторы вдалеке.

Это утро хмурое, сырое.
Только дни такие здесь редки.
С прошлогодней выжженной травою
Пустыри я вижу да пески.

Здесь вокруг на сотни километров,
Было время, сколько не кричи,
Только свистом вам ответят ветры,
Да столбом завихрятся смерчи.

А сегодня в дикие просторы
Юность дерзко направляет сталь.
И недаром тарахтят моторы,
Будоража дремлющую даль.

Там вон видно, как у переката
Самосвалы в степь везут зерно.
И сигналят, торопясь, ребята –
Шоферня друг другу озорно.

Да и я ведь здесь не лишний третий:
Буровая вышка за холмом
Через час и примет, и приветит,
Словно это мой родимый дом.

Здесь мы все - целинник и геолог,
Кто грустить от скуки не привык,
Поднимаем тайных кладов полог,
Открываем новый материк.

1957

Домбровка, Актюбинская область,
Уральская геологоразведочная партия

возвращение

Я снова, мама - мамочка,
вернулся.
Ни на одной, поверь мне,
из широт,
Пусть дом твой мал,
Пуская слегка пригнулся, -
Сын не встречал
милей твоих ворот.

Здесь веет давним,
дорогим, знакомым.
Косой забор и тот
родной ему.
Про то, что сына жизнь
сложилась комом,
Не говори, родная,
никому.

Нет, я свои
не прокляну скитанья:
Они - мой лучший
университет,
Они-
мой поиск своего призванья,
И тьма они кромешная,
и свет.

Таит любой, родная,
грусти дозу,
Но после горьких ягод-
слаще мёд...
Ни от невзгод, поверь,
ни от морозу
Не превратилось сердце сына
в лёд.

1960

маме

За всё, за всё:
за красок мир, за звуки,
Что я дышу,
Мне хочется согреть
Твои
в моих ладонях, мама,
руки.
Им так пришлось
жестоко огрубеть.

И ты, пожалуй,
нежить их могла бы,
не раздирая в кровь
на холodu,
но не имела права
быть ты слабой
ни в 41-ом,
ни в другом году.

И не от долгих лет
твои морщины-
То след одной
на всю страну беды:
Двадцатый век,
крутая середина-
И маленькая, худенькая
ты.

Я б всё отдал,
Чтоб ты помолодела,
Чтоб ты была
красивою опять.
Но что поделать, мама,
что поделать?
Ведь не текут, родная,
реки вспять.

За то, что ты,
превозмогая муки,
Прошла свой путь,
что крут был и колюч,
Позволь, твои
я расцелую руки...
В моей душе
ты - самый яркий луч!

1970

Праздник на час

Моим стихам чужда эстрада,
За громом славы им не лезть.
Они - моей души отрада,
Они – моей души болезнь.

Пускай порою мысли гложут,
Что рифмам в жертву принесён,
Но сердце чьё-нибудь, быть может,
С моим забьётся в унисон.

1990

ода весне

Оттай, душа!
Угрюмство, сгинь
С последней
мартовской
метелью!
Чтоб опьяняла
неба синь
И удивляла
легкость в теле.

Я быть хочу,
я быть хочу
В плену у радости –
не грусти.
Весна!
Ты не чета врачу,
Который вам
рецепт отпустит

И вымолвит:
«Три раза в день
По порошку
и ложке чайной...»
Не выдаёшь ты
бюллетень,
Но лечишь всё-таки –
отчаянно!

Груба порой судьба
и зла...
К любому ты спешишь
с участьем.
Ты лечишь близостью
тепла,
Надеждой новою
на счастье.

1970

машинист

Сто сорок джинов
в паровых котлах.

Они б котлы
разворотили в прах,

Но машинист
совсем не зря у пульта.

Он – чародей, он – маг,
специалист,

И не один лишь только
адский свист,

Он слышит джинов тех –
биение пульса.

Он изучил
Их неуёмный нрав,

И лишь добру - не злу
служить призыв,

Едва к ключу
рукой прикоснется –

И, не жалея
исполинских спин,

Так крутят джины
лопасти турбин –

У повелителя
душа смеется.

Душа ещё
так рада потому:

Свет и тепло
дарить дано ему,

А это, в общем, —
счастьем и зовётся.

Вот не забыть бы только
 про того,
Не приручил кто джина своего,
Кому счастливым быть
 не удаётся...

1983

весенний день

Опять в посёлке
шум и звонкий смех,
И на душе опять –
то грусть, то радость.
Причин особых нет,
а просто снег
Сошёл на нет,
чёрнея у ограды.

Девчонки прыгают,
заняв сухой асфальт.
Я обхожу их,
наступая в лужи.
И встречных женщин
лиц овал
Немножко
голову мне кружит.

А ветер, ветер –
буйный мальчуган
Свистит в три пальца,
разгоняя тучи.
И тянется рука в карман.
Чтоб записать про всё...
на случай...

1968

первый снег

За окном не зима, не осень,
За окном – это первый снег.
Он, как будто ранняя проседь,
Выпал вдруг, удивляя всех.

Первый снег - он, как гость, недолог,
Он пропитан голубизной
И мне чудится: наш посёлок
Взбудоражен опять весной.

И влюбленных мне снятся пары –
Их сводила капель с ума...
Проседь в тридцать – ещё не старость,
Первый снег – ещё не зима.

Впереди, впереди все стужи,
С завыванием бесенят...
Как разбитые стёкла, лужи,
Отражая небо, блестят.

Ну а в небе (пускай не синем),
На прощанье, щуря глаз,
Солнце звонко кричит, что с ним мы
Ещё свидимся!.. И не раз.

мой посёлок

Ты хорошеешь всё, посёлок мой...
У моря юного стоишь ты юный!
Ты мил всегда мне - летом и зимой,
Твой свет неоновый нежней, чем лунный.

Пусть даже осень над тобой сквозит,
И в сером небе слышен крик прощальный,
На краткий миг утратив яркий вид,
Ты мне ничуть не кажешься печальным.

Там, где высоких три стоят трубы,
Поют турбины голосом весёлым.
И, как бы выюги ни были грубы, -
Они тебя не покорят, посёлок.

Твоих девчонок и парней глаза
Полны и в январе задора.
"Сибиряки угрюмы" - кто сказал?
Не выдумать нелепей вздора!

Улыбки их сверкают, как роса,
Их повстречай - забудете не скоро.
Для них, в труде творящих чудеса,
Милее нет сибирского простора.

Посёлок мой!.. Вся Русь как будто здесь:
Липчане есть, романтик из Валдая,
Есть москвичи и одесситы есть...
Сибирь теперь - их матушка родная.

1966

Родине Советов

Россия – родина, моя Россия!
Любовь к тебе
храню я с детских лет.
Ты злые раны
на себе носила,
И столько вынесла ты бед.

Ты знала
иго, смуты и остроги,
Но свет мечты не угасал
во мгле.
Ты первая
в социализм дорогу
Пробила на истерзанной
Земле.

И на полях
в бою за край свободный,
Ты, умирая, презирала смерть!
Горжусь тобой
и не могу сегодня
Я, как умею, о тебе не петь.

Тебя, такую,
нет, нигде не встретить.
Ты незабудкой –
на душе моей.
Люблю твой снег,
люблю твой ветер –
нет красоты, нет сил твоих
свежай.

Люблю за то,
что рвёшься к синим звёздам,
Берёшь разбег,
невиданный никем.
И всё, что труд твой
создаёт и создал,
Величественней всех поэм.

И я болею
лишь одним желаньем—
Мой край!
достойным сыном быть тебе.
Мне звонче этого
не надо званья,
И о другой
мне не мечтать судьбе!

1967

солнца - детям

Меж явлений,
с виду неприметных,
Мы порой не раз
удивлены:
Пара глаз,
ещё почти бесцветных,
Как вопрос,
на мир устремлены.

То земля
родила человека.
Не было его -
и вот он есть.
Гражданин
и представитель века,
Что он сможет дать
и приобрести?

Неужели
лишь особой меткой
Предрешён для каждого
удел?
Скажут: "Этот - гений
и кометой
Просверкать ему!.."
А он - истлел.

Мамы,
лоб младенцу
вы не мерьте!
Мало ль врали нам
лжемудрецы...
От черты рожденья
и до смерти
Все мы с вами -
личности творцы.

Дайте, взрослые, ребёнку
хлеба,
Дайте ласку,
Дайте теплый кров,
Мирного и голубого
неба,
Дайте звонкость
и певучесть слов,

Дайте правду,
Горизонт широкий!..
Он докажет,
что рожден не зря...
Плох садовник,
если розы плохи.
Дайте солнца детям,
жизнь даря!

1970

на первомайской демонстрации

Хорошо, что так свежо ты, утро!
Хорошо, что небо голубое!
Хорошо, что океан как будто,
Бьёт о Землю Первомай прибоем.

Хорошо, что флаги, словно птицы,
И что песня, как костры в разгаре.
И куда ни глянешь, всюду лица,
Как букеты роз, улыбки дарят.

И весеннею налиты силой
Наши тесно сдвинутые плечи.
И нисколько жажда не остыла
Лишь вперёд идти, заре навстречу.

В век двадцатый рабства нет нелепей.
Мы любому шлём привет народу.
Рвите, люди, на планете цепи!
Так прекрасно ощущать свободу.

1 мая 1971

у памятника

В простой кепчонке, чуточку усталый,
Рукой придерживая пальтецо,
Стоит Ильич и смотрит с пьедестала,
Великой мыслью светится лицо.

Мне кажется: сейчас шагнет он снова,
И будет легок взмах его руки,
И вырвется из уст застывших слово,
И ринутся на штурм большевики.

И с яростью метнёт матрос гранату
В тот ненавистный, тот прогнивший мир.
Я лишь по книжкам знаю эту дату,
Напоминает мне о ней эфир.

А дед мой спину гнул, в полях батрача,
Но слишком солон был его кусок.
И разве мог он поступить иначе?..
Палил в господ, когда настал тот срок.

И я горжусь, что я, его потомок,
Отчизне той навек принадлежу,
Которая от нищенских котомок
До звёздных высей провела межу

1971
пос. Инской

На призывный крик скворца
Выхожу весне навстречу:
Всё и всюду без конца
Одарилось снова речью.

Там и тут поют ручьи,
Воробы горланят хором...
Словно кто-то поручил
Мне опять умчать за город.

Снова синь в глаза мне бьёт,
Даль опять передо мною.
Ощущаю, словно взлёт,
Притяжение земное.

Рад оттаявшим буграм,
Зла зиме не поминая...
Так ли много надо нам?
После выюг – дождаться мая!

1980

свидание со степью

Николаю Пискаеву

Я так давно тебя не видел,
степь.

И вот, явился вновь
в твои объятья...

Мне так хотелось
жаворонком петь
И синего хотелось
счастья.

Моей профессией,
моей судьбой
Навеки якорь крепкий
кинут в город,
Но из него, чтоб свидеться
с тобой,
Бегу порой подобно вору.

Как будто хочется
мне искупить
Перед тобой вину свою
и многих
И ненадолго пусть,
но всё же слить
Твои просторы
и мои тревоги.

В моих глазах,
на самом дне,
Давным-давно лежит
осадок муки,

И всё мне кажется,
 что ты ко мне
С тоской свои протягиваешь
 руки.

Нет, степь, тебя ничуть я
 не забыл,

И без тебя мне жить
 совсем не легче,

И город для меня –
 не тыл,

Он для меня - скала,
 где ветер резче.

Он для меня тот тяжкий
 дантов ад,

Где высекать огней я призван
 море.

Но лишь твоим просторам,
 степь, я рад,

Не разлюбить вовек твои мне
 зори.

И снятся сны мне, что настанет срок,
Когда я скину города
 оковы

И удивлюсь, как долго
 всё же мог

По доброй воле
 крест нести суровый.

махнём на Север

Махнём на Север!
В тундровую зыбь...
Не за рублём,
хоть он совсем не лишен.
Одной там выюге
можешь крикнуть:
- Сыпь!
А будешь сразу –
десятью услышен.
Там, говорят, олени на рогах
Издалека
приносят счастье
людям.

Там можешь в топях
рыжих
и в снегах
Ты испытать, как путь бывает
труден.

Махнём на Север!
И пускай огнём
Сгорит всё слабое в нас
и пустое.

Мы не за то ль
себя порой клянём,
Что в собственных
глазах
так мало стоим.

Махнём на Север!
Ночь там - белый день,
А днём - лучи «Медведиц»
 быют отвесно.

Я точно знаю -
 в тундре, как нигде,
Простор любой
 фантазии
 и песне.

Ещё в тебе
 не так уж мало сил,
Уютом призрачным
 ёще не сломлен.

Немало ты когда-то
 колесил,

Давай-ка вновь,
 мой друг,
Мы юность вспомним!

Махнём на Север!
Чтоб в конце,
 ПОТОМ...

Ты мог поведать,
 пусть узнают внуки,
Что изваять на льдине
 можно дом,
Но ничего не сотворить
 на скуке.

что жалеть о том цыгану (пой, цыганская струна)

Эй вы, бубны!.. Эй вы, струны!..
И цыганских песен грусть!..
Уж не в том ли поле лунном
Родились вы, что и Русь?

Удаль, горе, смех сквозь слезы –
Всё, как ярый ураган...
Свист пурги и скрип полозьев...
Так страдал, так жил цыган.

И куда стремились кони?
Где цыгана ждал очаг?
И мольба, какой иконе
У него жила в очах?

То зима, то снова лето...
То селение, то яр...
Свет костров... И до рассвета
Скрипок плач и звон гитар.

И в рыдальных лился песнях
Роковых страстей разгул...
Только кони неизвестно
Под какой исчезли гул.

И в какие скрылся дали
Табор? Может, в небеса...
Чьи-то души отстрадали,
Чья-то высохла слеза...

И уже не яр - эстрада,
Не луна - прожектора.
И не знает внучка Радда
Про далёкое вчера.

Что жалеть о том цыгану,
И цыганке, что тужить?..
Свой шатёр покинув рваный,
Вы ушли в другую жизнь.

Пусть звезда вам ярче светит
И в зенит летит она.
Только вновь про степь и ветер
Пой, цыганская струна!

Про любовь звени, про очи,
И про радость, и печаль,
Да про тот костёр, что ночью
Звал в обманчивую даль...

Эй вы, бубны!.. Эй, гитары!..
И цыганских песен грусть!..
Только грянут – я в ударе
Им в любви своей клянусь.

1981

Холодны пускай рассветы -
Зелена ещё трава,
И про лето у поэтов
Недошепчены слова.

До утра считает звёзды
Колокольчик на лугу.
Отпуск взяв, совсем не поздно
В степь сбежать, уйти в тайгу.

Мне недаром постоянно
Нынче снятся всё ясней
То скалистые Саяны,
То бурлящий Енисей.

Не рыбак я,
не охотник.
Этой страсти я лишён.
Я брожу всего охотней
Просто так...
С карандашом...

Ничего не надо,
кроме:
Роль скитальца полюбя,
Ощущать,
как мир огромен
И песчинкою себя.

1976

на дамбе

Заката как будто
страницы листаю:
Вдоль дамбы иду я
и Блока читаю.
Читаю стихи
над озерною рябью.
Я душу стихами
ничью не ограблю.

Кедрач и осины
застыли, внимая.
Мне кажется,
Блока они понимают.
И, может быть, видится
профиль им тонкий
Таинственной блоковской
незнакомки.

... Она появлялась
из сказочной дали.
Поэта мечта! Вообще
Ты была ли?
Была?.. Или, может ,
всё вымысел это?
Пусть это
останется тайной поэта...

А я... незнакомку
Свою вспоминаю.
И то, что она существует,
Я знаю.
Но ей безразлично,
Отлично иль плохо
Сейчас я читаю
Над озером Блока.

Зато в утешение:
Волны - три крошки -
Я смолк - заплескали
В сырье ладошки.

1992

на берегу

А катер мой не дождался,
Пока я с горы сбегу.
Напрасно я звал, метался
На утреннем берегу.

Как лебедь, неторопливо,
Он отошёл в тот миг,
Когда я, почти счастливый,
Причала ногой достиг.

Он скрылся в тумане белом
Навстречу солнца лучам...
На берегу был я - телом,
Душою - был с ними я, там.

Мне катер казался чудом,
И виделся люд на нём:
Инопланетным людом,
С небесным в глазах огнём.

И были мне так до боли
Все те, кто там плыл, близки,
Что стискивал поневоле
Ладонями я виски.

Но воздух лишь стал прозрачным,
И катер себя принёс, -
Увидел я, как невзрачны
Его и корма, и нос.

И люд был, сошедший, тоже -
Обычный, земной вполне...
Лишь час тому – отчего же
Кричало всё так во мне?..

Ах, глупое наваждение!..
Воображенья бред!..
Ни этим ли, тем не менее, -
И дорог мне этот свет.

1985

артышта

Что говорить,
не сельский житель я,
Но и совсем -
не обожатель лоджий...
Мне видится:
сырая колея
И перемешанный со снегом
дождик.

Деревня видится мне
Артышта,
Где за оградами -
овраг дремучий...
Ах, живописцы!
Как вас в те места,
Я удивляюсь,
не забросил случай?

Там всё, что надо:
сосны и холмы,
И дым из труб,
и березняк, и поле...
Вот заявлюсь туда
среди зимы
И подружусь там с ребятнею
в школе,

В той, что стоит спокойно
на краю,
И от которой веет так
уютом.
И, может, буду я
судьбу свою
Благодарить,
зарю встречая утром.

И я скажу ученикам своим,
Что поэтичней
нет угла в округе,
Что повезло
в селе родится им,
Где был я только
гостем на досуге.

1983

уголёк

Не подземный, и всё ж - забой.
Слева – сланцы, а справа - уголь.
Из романтиков здесь любой
Доказать свою сможет удаль.

Я про удаль совсем не ту,
Что порою хамит и лает...
Уголь чувствует доброту,
Душу чуткую понимает.

Если ковш – не дракона зев,
Коль в чести и предел, и мера,
Уголь, хмурость преодолев,
Станет дружбы, поверь, примером.

Чтоб не снилась тебе печаль,
Что остывли вдруг всюду печи,
Скажет он: «Мне огня не жаль!
Грейся, праведный человече!

Удаль мудрую проявляй,
Управляя железной силой, -
Только рая не разоряй
На планете - и камню милой.

Речка рядом – её не тронь!
Не распни ни ежа, ни лося.
Лучше в руки возьми гармонь,
Чтобы им веселей жилося...»

Если глух к речи камня ты,
Все на свете презрел каноны –
Неминуемо жди беды,
Дуралеевой жди короны.

Коли рай превратил ты в ад
То ль по глупости, то ль во гневе -
Проклянет тебя стар и млад,
И дитя, что ещё во чреве...

Уголёк, не кричащий ввек,
Слышишь, нынче взывает в дрожи:
«Будь разумнее! Ты ведь можешь!
Homo Sapiens! Человек!»

1989

в больнице

В это летнее утро в росе
Я сбежал из больничного плена,
Чтобы все, до единой, чтоб все,
Алым соком наполнились вены.

Ах, внимательный докторши взгляд
Держит память заворожённо!
Только душен мне воздух палат –
По дорожке бегу стадионной.

Впереди старикан с бородой.
Мы, как спутники в вихре орбиты.
Он уж круг завершает шестой –
Я упал на втором, как убитый.

Знать, ему, «Бороде», стадион
Стал давно врачевателем - другом.
По сравнению с ним я – пижон.
Оттого и подвержен недугам.

Не бежал я всю жизнь, а спешил.
Ни в Венеции не был, ни в Ницце.
Словно только мечтою и жил -
О какой-нибудь милой больнице...

К половине восьмого опять
Я на койке, как голубь подбитый...
Завтра встану не в шесть я, а в пять –
Сердце выведу на орбиту.

Июнь 1989 Белово, больница №1, палата №2

МИГ ЧУДА

Зелен день...
Ах, как всегда их мало –
дней таких!
За ними жёлтых рать
явится с печалью о зеленых,
с ожиданием вихря
белых дней.

Белые
без всяких сентиментов
вдруг нагрянут,
будут длиться долго,
Но опять
придёт всем дням начало,
как салют –
стоцветная весна.

В смене дней,
летящих по орбите,
каждый миг
встречаю я как чудо...
Только знаю:
чуда нет чудесней –
в майский день
цветка рожденье миг.

1985

на Рижском взморье

Я на взморье Рижского залива.
Мир вокруг и сказочен, и прост:
Серебристой волны машут гривой,
Чудо-сосны - в великанский рост.

Проплывают в тишине, как вечность,
Лебединой стаей облака...
Из Сибири отпускник бесконечный,
Удивлен я и смущён слегка.

Я не ждал, что так необычайно,
Нежно будут волны петь у ног, -
Только мчится: лет немая тайна
Холодит прибрежных дюн песок.

Видно, с моря злые каравеллы
Разгоняли дюн глубокий сон...
И в сраженьях новых гром обстрела
Заглушал людей и сосен стон...

Я иду. В моей душе молитва
По убитым в разные века.
Да исчезнет, сгинет слово «битва»!
Мир вам, дюны, волны, облака.

У меня чиста пред вами совесть.
Может, этим только и счастлив.
Не латыш пускай я, не литовец -
Синь твою боготворю, залив!..

Охватило пыланьем листья...
Только веткам
вдруг зябко стало.
Это осень лисой огнистой
Заметалась и замелькала.

Зря не в цель в ту лисицу
выстрел,
И не ставь на нее капканы:
Видишь, ветер как лечит
быстро

На дрожащей осине раны.
Видишь, след исчезает
лисий
За дорогою,
там, где колки...
Скоро, скоро вот с этих
высей

Полетят метелей иголки.

Лишь останется от пыланья,
От мельканья
лисицы рыжей -
Боль жестокая расставанья,
Словно сам я горел, да выжил...

1968

невидимка

Поднимаю плаща воротник -
Ждать, наверное, долго попутки.
Вновь сквозь серую морось возник
Облик девичий, нежный и хрупкий,

Весь из света и из тепла,
Словно солнца пробившийся лучик.
Невидимкою подошла,
Улыбнулась улыбкой певучей.

На щеках полыхнула заря,
Грудь вздохнула под кофточкой тонкой.
Прошептала: «Дружочек мой, зря
Разлюбил ты простую девчонку.

После вихря промчавшихся лет,
Знаю – сердце раскаянье гложет...»
Я молчу. Я смотрю тебе вслед.
Мой ответ ничему не поможет.

Всё равно ведь ни мне, ни тебе
Что напутано – не распутать.
Мне одно остаётся лишь – петь
О тебе в ожиданье попуток.

На дорогах, когда моросит
И душа отсыревшая плачет,
Твой, моя невидимка, визит
Для меня что-то всё-таки значит.

1985

Ах, осень! А осень такая:
В поступках своих вольна,
Желаниям потакая,
Всё дарит
тепло она.

И, как от улыбки любимой
Иль друга пожатья руки,
То грустно неодолимо,
То весело
вопреки

Тому, что уже на излете
Рябинных костров пора, –
Ведь новое
в своей плоти
Деревьев таит кора!

И новому этому снова
Шуметь и вовсю цветсти...
И в муках рождения слова
Кому-то опять брести.

1983

Уже не синь, а только просинь
Да приморози серебро...
Я вижу, как берёшь ты, осень,
Не кисть – железное перо.

И, нагоняя холод в душу,
Не только в душу – в фонари,
Продрогший сквер рисуешь тушью
На бледном полотне зари.

Заломленные пальцы веток
В мольбе застыли о тепле...
О, выдай, небо, напоследок
Что недоотдано земле!

1963

праздник на час

Не успел совершить я побег
В ближний сквер на рассвете из дома,
Как сразил меня хлопьями снег...
А воскрес я – мне всё незнакомо!

Колдовство!.. Карусель!.. Благодать!..
Стали вдруг невидимками ели...
О каком еще чуде мечтать?
Воробы вон и те обалдили!

Что, казалось бы, им снегопад,
В честь которого - бурное скерцо?
Значит, белых снежинок парад
И воробушка радует сердце.

Этот праздник – всего лишь на час,
Но на морде у рыжей собаки,
Вечно рвущейся в дикие драки,
Я улыбку заметил сейчас.

И... аукинулась вмиг немота
Анапестами, ямбом, хореем...
Надо мной словно ангелы реют,
И беззвучно поют их уста.

1991

Когда на город снег летит
И свет от фонарей струится,
Как вам – не знаю, мне – не спится,
И в переулках заблудиться –
Нет, мне никто не запретит.

Кто запретит снежинок рой
Мне конницей назвать летящей?
Снег атакует город спящий.
Но он не враг, бедой грозящий,
Не учиняет он разбой.

Он превращает город в цирк.
Жаль, этот цирк не видят дети:
Как всё вокруг летит на свете,
Как фонарики лукаво светят
Во все концы, во все концы.

И я на этот свет иду
В надежде, что кого-то встречу,
Что будет весело от встречи.
Порой касаться будут плечи,
И речи будут, как в бреду.

А если до утра совсем
Я никого не встречу всё же,
На рифмы грусть я перемножу,
И, как философ, подытожу:
Дано всю ночь не спать не всем.

И заключу, что и метель
Быть может нежною подругой,
Фонарь любой – весёлым другом,
Но от душевного недуга
Не в силах излечить постель.

идеалу

В лицо мирозданья рябое
На бешеном жизненном кроссе
Давай рассмеемся с тобою
Над тем, чего не было вовсе.

Над тем, что лишь было возможно,
И всё же не состоялось.
Над тем, что так просто и сложно...
Ты даже мечтой не осталась.

Ты только осталась звездою,
Порою в ночи светящей,
В ручье - журчащей водою,
Озябшей синицей - в чаще.

Тебя в любой ипостаси,
Неузнанную, - узнаю я...
Не претендую на счастье
И ни к кому не ревнуя.

1988

дикая яблонька

Дикая яблонька, дикая яблонька!
Мне на тебя наглядеться невмочь.
Ты мне скажи, моя дикая яблонька,
Чья ты такая красивая дочь?

Может быть, дочка ты феи-волшебницы?
Или прекрасной Елены ты дочь?
Или от матери Божьей по лестнице
С неба спустилась ты в майскую ночь?

В белом наряде стоишь за оградою,
Словно ко мне на свиданье пришла.
Лишь для того, чтобы сердце обрадовать,
Чтобы мечта о любви ожила.

Белых цветов твоих, дикая яблонька,
Молча любуюсь, я не прикоснусь.
Только тебя, моя дикая яблонька,
Вечной любовью любить я клянусь.

27 мая 1998

выпускнице колледжа

O. Юровой

Как самолету, что уходит ввысь,
Желаю Вам безветренной погоды,
Чтоб Вам любви на всю хватило жизни,
Чтоб не состарили вовек Вас годы
Чтоб вы могли в любую даль лететь
И возвратиться в милые пенаты,
Чтоб Вам всегда хотелось громко петь,
И чтоб на всё хватало Вам зарплаты.
А если всё окажется не так
(Жесток порою мир – Вы это знайте!
Есть солнца свет, но есть и ночи мрак).
Вы всё равно, прошу, не унывайте!
Заголубеют снова небеса!..
Какая б только буря не случилась –
Не может быть, чтоб даль не прояснилась...
Лишь в разум верьте Вы - не в чудеса,
Чтоб счастье к Вам - наградою явилось...

Май 1997

благодарю тебя, лето

За то, что пекло
И за то, что ты лило,
За то, что ты молнией
не сразило, -
Благодарю тебя, лето!

А если я падал, -
То лишь от усталости.
За то, что мне вовсе
Не легким досталось ты,
Благодарю тебя, лето!

Катил и катил я
То в город, то в сёла.
За то, что встречались мне
люди весёлые
Благодарю тебя, лето!

Я сам не из тех,
Кто впадает в уныние,
И это вот - главной
Считаю я линией.

За то, что ты другом
Являлось мне в этом,
Благодарю тебя, лето!
Благодарю тебя, лето...

малиновый платок

(Песня бродяги)

Ах, жизнь моя!.. Бреду, куда не знаю,
Смотрю, как догорают облака,
А сам тебя, тебя всё вспоминаю
В малиновом платке и без платка.

Я не забыл малиновые зори.
Чтоб я тогда в любовь поверить мог,
Себе на плечи ты на косогоре
Накинула малиновый платок.

И стала вдруг малиновою речка,
И облака уплыли на покой.
Мы целовались... И над нами свечка
Зажглась звезды... неведомо какой.

Ночью пахли волосы фиалкой.
Встречали мы малиновый рассвет.
Платок унёс куда-то ветер...

Жалко!

Где ты сегодня?.. Кто мне даст ответ?..

Не сам ли я родимый край покинул...
Мечтая весь увидеть шар земной,
Умчал я вслед за журавлиным клином,
Забыв назвать тебя своей женой.

Я видел пальмы, я достиг Памира,
Мне океанский песни пел прибой...
Но понял я, что все красоты мира
Не стоили и мига быть с тобой.

Иду, бреду... Куда - и сам не знаю,
А клики вновь доносят облака,
Но уж не мчать - за журавлиной стаей...
И лишь невольно им взмахнет рука.

1999 - январь 2015

Царство золота и тени,
Хрустала, голубизны...
И опять тоской осенней
Думы все напоены.

Невозвратных дней похмелье,
Словно камень, давит грудь.
Где вы, юность и веселье?
Хоть на час бы вас вернуть!..

Чтобы мир казался проще,
Заглушая сердца стон,
В тиши оранжевую рощи
Я ныряю, словно в сон.

Выхожу к реке и к ивам,
Долго всматриваюсь в синь.
Только – нет... и над обрывом
На душе одна полынь.

Наконец я понял: надо –
Видно, в том тоски секрет –
Чтобы шла с тобою рядом
Та, которой рядом нет.

28 сентября 1997

* * *

Говори мне, говори.
Говори про всё, что знаешь.
И про то, что ты не знаешь,
Ты мне тоже говори!

Лишь бы голос твой звучал,
Словно плеск волны озерной.
Буду я тебя покорно
Слушать молча, как причал.

А когда (уж что скрывать)
Вдруг твои устанут губы,
Я скажу тебе негрубо:
- Дай... мне их поцеловать!..

Август 1997

Лишь было мигом лето,
Ещё короче осень.
Ну, а кому за это
Упрёк мы с вами бросим?

Уж и метель в глаза нам,
Белым - бела дорога.
Нас не понять южанам,
У них там солнца много.

Там виноград и дыни,
Там алых роз охапки,
И от колючей стыни
Искать не надо шапки.

Но, по теплу тоскуя,
Край, где не греет роба,
За теплоту людскую
Не разлюбить... Не пробуй!

Я, в миражах объятий,
Края знал другие, –
И чуть с ума не спятил
От жути ностальгии.

Нет от тоски такому,
Чтоб исцелиться, средства –
Лишь воротиться к дому
И в закоулки детства.

И пусть в глаза пурга мне,
Белым - бела дорога –
Лежал где раньше камень,
Теперь - душа от Бога.

1980

Обезлюдевший пляж,
призамёрзшая заводь...
Перламутрово – розовый,
льдистый восход...
Никогда не кружила
мне голову зависть.
Лишь зимы, как и прежде,
волнует приход.

То бросает в тоску,
словно злобная участь
Предо мною готова
открыть свою пасть.
То душа воспарит, –
и летают созвучья,
Чтобы хлопьями снега
на землю упасть.

Как смогу,
эту твердь я согрею
стихами. –
Этот берег и пруд,
не застывший пока...
Значит, жив я ещё,
если сердце – не камень,
Если грусти и радости
плещет река.

1990

Снова апреля лучами
Выпиты залпом снега.
Скоро цветения пламя
Месяц взметнет на рога.

Словно беседуя с небом,
Зашелестят тополя.
Быль повествуя? Иль небыль?
Или о чём-то моля?

Вот бы и мне помолиться
В небо широким крестом,
Чтобы вернувшимся птицам
Снова увидеть свой дом.

Только вон там у оврага
Рошица - сожжена:
С пьяною, видно, ватагой
Тешился сатана.

Там, где разлилось болото,
Где задохнулись поля—
Хохотом давится кто-то.
Кто-то - и только не я.

Вздрогну от скворушек крика
И невзначай изреку:
- Всем нам повыпало лиха
На сумасшедшем веку!..

Всё же и мне, и синице,
Дятлу и воробью
Пламя цветения снится,
Верится в участь свою.

Апрель 1997

фрегат

Кончен бал метелей. Я недаром
Тороплюсь на свой забытый сад.
Словно нужно поскорей от кары
На пиратский мне попасть фрегат.

От квартирного телециклона,
Пожирающего человечий мозг,
Я бегу – ему меня не слопать.
На фрегате наведу я лоск.

Вот – свободны окна от задрая,
Как на мачту, влез я на чердак...
Глянул сверху: мамочка родная, -
Море-озero на двадцати верстах!

Обождите, грабли и лопата!
У чердачной постою двери...
Повезло мне всё-таки с фрегатом,
С морем – тоже. Дьявол побери!

Здесь мой отдых и вторая смена,
Здесь я сам – матрос и адмирал.
От невзгод, от хаоса, от тлена
Я фрегат пиратский отыскал.

Чайка издали крылом сверкнула,
«Якоря, - вскричала, - поднимай!..»
Ах, как быстро зимушка минула!
Промелькнёт ещё быстрее май...

Май 1997

Спешу, спешу...
Отчаянно спешу!
Спешу –
и никуда не успеваю.
Вот эти строчки
На бегу пишу,
Пишу в уме.
Блокнот не вынимаю.

До электрички
Добежав едва,
Купить
не успеваю я билета.
Вот ревизор, а впрочем -
даже два...
Спешить – беда!
Проклятье века это!..

И потому порой,
как выстрел ввысь,
Когда промчится поезд
вдоль откоса,
Я слышу крик души:
«Остановись!..
Не пощадят
чугунные колёса...»

И кто поймет
трагический конец?
И даже люди близкие
в итоге
Подумают, скорей всего:
- Глупец...
Куда его несли
так резво ноги!..»

1990

Иду, где потемней
дорожки,
Где больше снегу,
меньше льда,
А месяц сверху
строит рожки.
Мне с этим месяцем
беда.

Такой он
несерьезный слишком:
То вынырнет,
то вновь нырнёт.
И что возьмешь с него?
Мальчишка!
Звездой, того смотри,
пульнёт.

Чтоб я не юморил
напрасно
Над озорством его
при том,
Что сам я вёл себя
ужасно,
Был, как и он,
озорником!

С моста нырял,
на крыши лазил,
По снегу бегал
босиком...
И вот, как будто кто-то
сглазил –
Плетусь,
леча себя стихом.

Март 1991

быть может

«Уйти, потихоньку уйти,
Уйти, никого не тревожа.
Пусть звезды ночные в пути
Иную судьбу мне ворожат,

Свободную от нелюбви,
Где зори, ковыль, да отроги,
Да дерзость бродяжья в крови...
Вот только бы вынесли ноги!

А если я вдруг упаду,
И с белым расстанутся светом,
Кого упрекать за беду?
Рука провидения в этом!»...

Так, может быть, думал Толстой,
Своё покидая именье,
Решая вопрос непростой,
Как фабулу произведенья.

1998

Экспромты на ветру

народ не простит
(Отклик на переворот в Чили 1973г.)

Никогда не твердил я, как школьник:
«Сантьяго... Чили...»

А сегодня слова эти,
словно осколки,
вошли мне в грудь.

Вновь свободы душители
рукава засутили

И затеяли кровью брюзжащую игру.
Узкий берег,
стал длинной ты
траурной лентой.

Беспощадна и слепа рука палача.
Пал под пулями

Президент Сальвадор Альенде,
Смерть
трусливой покорности предпочтя.

Самолётами, танками
напластовано трупов груды.

Опыт прежних фашистов,
как видно, помог.

И не вынесло боли
сердце Пабло Неруды –

Стал проклятьем путчистам
последний поэта вздох...

Генералы – душители революции!
Подстрекатели, одолларивающие разбой!

Время
начисто ваши развеет
и иллюзии.
Впереди ещё самый последний
и самый решительный бой!
Вам народ не простит,
как бы вы ни юлили.
Не навеки трагической быть судьбе...
Не свободу чилийскую
вы, господа, задушили,
А петлю вы позора на шею надели себе.

1973

ветер

С ветвей осыпав бахрому,
Шлифует ветер перекрестки,
Неподотчетный никому,
То замирающий, то хлесткий.

Намёл к ногам берёз сугроб
Совсем не из шальной отваги –
Теплей берёзкам было чтоб,
А по весне – испить им влаги.

Для лыжников он чудо-наст
Утрамбовал за стадионом.
И разогнал он дыма пласт –
И задышалось вдруг озоном.

Потом он лист газетный рвал
И гнал его туда, где свалка.
В нём ложь вела такой аврал,
Что ветру было лист не жалко.

А ночью мне стучал в окно:
«Ну, выходи же, ради бога!
Смотри, висит луна давно,
И светится стеклом дорога...»

И я его благодарю
За беспокойство и тревогу!
И никогда не укорю
За слишком скользкую дорогу.

Он, Ветер, не считал вовек,
Что лучше всех делами правит,
И был уверен: некто «ЖЭК»
Его по - дружески поправит.

1992

боль

(Отклик на землетрясение в Армении 7 декабря 1988 г.)

Армения! Твои в слезах глаза...
Что противопоставить адской силе?
Ничьи над Арашатом голоса
О том, что будет, не провозгласили.

И дрогнули долины и холмы
И превратили этажи в руины...
Армения, весь шар земной, все мы –
Кочевники, вселенной бедуины.

Нас топят наводненья, нас трясёт,
Подстерегает гибель от обвалов...
Кто от напастей этих нас спасёт?
Как о себе мы всё ж радеем мало!

Мы целимся друг в друга из-за гор,
Чтоб нанести как можно глубже раны...
И воздаёт природа за раздор,
Как будто мы не люди, а бараны.

Мы люди. Мы едины. Не дадим
Переродить в безумцев нас незрячих.
И пусть вражды навек исчезнет дым,
И никогда никто любовь не прячет.

Не отдадим тебя, Ленинакан...
Спитак... Кировокан... во власть разрухи.
Сильней тебя, подземный великан,
Врачующие друга руки!

Декабрь 1988

драма

Довела меня тоска до точки...
Ломит хамство изо всех тенёт:
То за ворот хватанёт сорочки,
То в кого грязью саданёт.

Видно, время хамов подоспело:
Как грибы – повылезли вокруг,
Разодеты и холёны телом –
Им не ведом никакой недуг.

Жаждет хам, как сто вампиров, крови
И гордится тем, что он тиран.
Вот он, оборвал на полуслове,
Появившись там, где он не зван.

Вот - в лицо струит вам дым табачный:
Вы пред ним маявка – знали чтоб!
Вот он -рявкнул, гавкнул по-собачьи –
Слабонервных бросило в озноб.

Вот он, спец по грязным анекдотам –
Простака прикончил без ножа,
Зная то, что хлопать будет кто-то,
Ободряя пошлость, дико ржа...

Хамы чтут одно лишь только – ранги.
Перед чином на устах их мёд,
Потому что знают, что баранки
Тот, кто выше рангом, раздаёт.

Не по мне тот пир!.. И в этом драма.
Только минус не сменю на плюс:
Аплодировать не стану хамам!..
Не подам руки!.. Не поклонюсь!

1993

ЭКСПРОМТ—ОТВЕТ

*(Школьникам, в качестве документального
материала при изучении истории государства Российского)*

Внук спросил у деда Васи:
«Власть, какой сегодня масти?»
Дед ответил: «Власть таки
Ухватили беляки.

Нынче власть чернит ЧеKa,
Отмывает Колчака.
И парят как символ зла
Когти хищника – орла!»

Внук опять: «Скажи мне, дед,
Что так скуден твой обед?..
Три прорехи на штанине...
Отчего такое ныне?»

Дед поник, объятый думой,
А потом изрёк угрюмо:
«Обещал нам Ельцин Боря,
Что не будем знать мы горя,

Но лишь поднял власти груз –
Разлетелся наш Союз.
А потом в социализм
Стал внедрять капитализм.

Чтоб родить буржуев класс,
Ободрал до нитки нас,
Прокричав притом в эфир:
«Есть добыча! Будет пир!

Всем не хватит никогда.
Объедайтесь, господа!
Ну, а прочим на Руси
Бог подаст на небеси!..»

Чтобы править без помех,-
Стать решил он выше всех.
На пути его – Советы.
Гаркнул: «Пли!» - советов нету.

И пошла вокруг потеха...
Только люду не до смеха:
Раньше был его завод,
Нынче – собственность господ...

- Сочинили драку кто же,
Что в Чечне?..
- Буржуи – тоже.
Люду – смерть война несёт,
Буржуину – в банке счёт...

Всё, как видишь, внук, в ажуре –
Всюду волки бедокурят!
Президентская же пресса
Бережёт народ от стресса.

Ей, наверно, ни почем,
Что к чему и что почём.
«Не бывать, - кричит, - возврату!
Лишь вперёд! Вперёд... к разврату!..»

Вот такой экспромт – ответ
Внуку дал Василий дед.

1995

послание «демократам»

*На предложение «О мире и согласии», после расстрела
Дома Советов и его защитников в октябре 1993 г.*

«Демократы» - бюрократы!
Жить от вас несносно стало...
Влезли в рыцарские латы,
Спрятав рыльца под забрала.

В сёдла сели – обнагели,
Наши, вывернув карманы.
О себе нам сладко пели,
Оказались – уркаганы.

Объегорили Россию,
Задарма продав за шмотки.
В грудь стучали: «Мы – мессии!»
А потом прямой наводкой,

Чтобы в клочья, чтоб навылет,
В нас стрелять из танков стали...
А кричали нам, не вы ли:
«Был жесток Иосиф Сталин!..»

Исполнителям приказа –
Кошелёк за каждый выстрел.
Всех убитых без показа
Позарыли очень быстро.

А потом заговорили
Вы о мире и согласье...
Лучше б чудо сотворили:
В монастырь ушли от власти.

Да с усердьем бы просили:
«Боги, иродов простите!..»
Только имени Россия
Вы уж не произносите.

Не простит Она проказу
Изуитской вашей власти...
Вот уйдёте вы – и сразу
Мир наступит и согласье.

1993

что делать?..

Позабыла разве Русь победы
Над химерой мирового зла?..
Цель великая народ вела, -
И любые разбегались беды.

Только грянул вдруг подобно грому
Тот вопрос: - Что делать на Руси?
Камарильи возводить хоромы?
До небес заборы возносить?

И стоять с протянутой рукою
Перед шайкой наглою ворья?..
Неужели с участью такою
Примиримся, прозябая зря?

Видно, Русь – магнит Вселенной скорби
Не сумела раскусить игру,
Что затеял мелкий шулер Горби
И другие куклы ЦРУ.

А потом предателей орава
Не в открытом поле, не в бою –
Ночью, в роще томагавком ржавым
Расчленила Родину мою...

И в восторге пляшут вурдалаки:
Миллиарды в их текут карман,
А народ, уже устав от драки,
Вымирает от злодейских ран...

Кто спасёт Россию от разрухи?..
Голос оживи, кто нынче нем!
Чтобы под заморских джазов звуки,
С глобуса не упорхнуть совсем!

1997

рыбак

(грёзы в морозы)

Седые брови
и усы седые,
А на бровях ушанки
бурый мрак.
А под ушанкой –
мысли роковые.
Не просто так
сидит на льду рыбак.

Пытает дед
В морозный день удачу:
Над лункой
золотую рыбку ждёт.
Он не попросит
на Канаах дачу,
Лишь только рыбка
выскочит на лёд.

И Мерседес ему
не нужен прыткий:
Он не пройдоха,
не халявщик – плут –
Себе просить
заморских благ у рыбки,
Когда на свалках
обитает люд.

Да он и сам
освоит свалку скоро:
Был простаком –
продал свою избу,
А государство
оказалось вором.
И улетели денежки в трубу.

И вот без денег
с бабкой и без крова
Он по углам
скитается чужим...
Так поступили с ним
за что сурово?
Да и с другими,
а не только с ним!

Он попросил бы
рыбку золотую
Лишь об одном:
за долголетний труд
Вернут пускай
хоть пенсию былую...
О, как мечтать, рыбак,
ты всё же крут!

Ты, дед, забудь
про сказку и удачи:
Ту рыбку съели
в «благородства» знак

Те, у кого
в заморских далях дачи,
Кто так легко
надул тебя, рыбак.

Не хмурь ты, дед,
свои седые брови,
А коль не прочь –
глотнём по стопарю...
Ершай себе
ты всё равно наловишь
И бабку тем
обрадуешь свою.

Ну, а ворьё,
Тебя кто объегорил,
Когда попросят вновь
«зелёный свет»,
Ты на своё зазря
не сетуй горе –
Пошли их к чёрту,
Клинтону и Колю...
Чтоб сказку ту
Припомнить снова, дед!

Март 1997

памяти Николая Рюмина

Отгоревал, отмучился поэт...
Оборвалась тернистая дорога.
А что за той дорогой?... Мрак? Иль свет?
Известий нет из-за того порога.

Где были мы? Куда опять уйдём? -
Не вразумила ни одна элита...
Горел он миг. Спасибо и на том.
Земная чаша выпита, испита.

Не предавал идущих рядом он,
На полпути не бросил крест поэта.
Наградой будет пусть спокойный сон.
И память друга светлая за это.

17 сентября 1998

памяти Александра Пархаева

Был он весел. Нет, не зол.
Крикнул: "Жди!", и мигом скрылся.
Ждал я долго... Не пришёл!
Он как будто бы приснился.

Не явился Саша - друг
Расцветить стихами встречу,
В тот же день, под самый вечер,
"Умер" ... - сообщили вдруг...

Всё глотаю воздух ртом.
Сердце плачет о поэте...
Где теперь твой, Саня дом?
На какой искать планете?

24 августа 1999

выбор

Жертвой быть?.. Или стать палачом?..
Фарисеем с зажжённою свечкой,
А по сути – покорной овечкой?..
Крестоносцем с кровавым мечом?..

Из моралей ни эту, ни ту
Не приемлют души моей соты.
Я сегодня ни первый, ни сотый,
Кто проклятия шлёт в пустоту.

В пустоту... где калечат детей,
Где завода престижней бардели...
Допустить, как мы это посмели,
Мы, творцы гениальных идей?..

Изнывает душа и болит...
Только истин Всевышнего ради,
Что записаны в сердце - тетради,
К возмущённым пойду я – не в скит.

В их глазах лишь сумею прочесть,
Что убить не под силу пигмеям
То, что нету на свете святее, -
Наших душ идеалы и честь!

2000

надо!

Надо - чтобы дом твой не был адом,
чтоб искрилась радость круглый год,
и жена, и дети были рядом,
чтобы лаял пёс, мурлыкал кот,

по весне - кричал скворец на ветке,
чтоб жилось не хуже, чем тебе,
твоему соседу и соседке,
чтоб порядок был в любой избе.

Надо также, чтоб была работа
и работать было всем охота,
государство чтоб у вас обманом
не могло бы вывернуть кармана.

Ну, а тем, кто всё же вас ограбил,
быть должна одна дорога - в лагерь.
Ни в Нью-Йорк, ни в Лондон, ни в Париж
упорхнуть не должен нувориш!

Надо, чтобы слово "Демократ"
не равнялось слову "Бюрократ",
чтоб не мог безумец - людоед
подзакрасить свой кровавый след.

Надо!.. Но в агонии Россия...
Где же, где же истинный мессия?..
Только мы - рабочая Россия,
что в агонии, и есть мессия!

Под родными мы под небесами
излечить должны Отчизну сами.
Для того, чтоб дом наш не был адом,
всё, что надо сделать, - сделать надо!

Апрель 2000

исповедь «Дон Кихота»

Кружись и шурши, листва!
Где лето? Где силы вешние?
Частицы от естества,
Уже мы—почти нездешние.

Дотлели чувства. Конец.
Одни лишь вспышки эмоций.
И сам я почти мертвец.
А может — сброситься с моста?

Но вздрогнула вдруг душа.
О, рыжая осень — львица!..
Ах, как бы, тоску глуша,
Хотелось опять влюбиться!

Хотя бы — вон в ту сосну,
В обрыва изгиб летящий,
Чтоб отходя ко сну,
Опять казалось, что счастлив.

Чтоб наплывал покой
И выплывали строки,
Когда я коснусь щекой
В безбрежной степи осоки.

О степь! О заря! О плёс!
Я нужен вам, чую кожей.
Умрёт без меня мой пёс,
Дворняге я нужен тоже.

Для прочих в мире вполне
Теперь я – паяц, не боле...
Вот вижу: навстречу мне
Летит Дульсинея – Оля.

- Ты мой, - кричу, - идеал!
Я – Дон Кихот усталый.
Лишь хохота дикий вал
В ответ из губ идеала.

И всё же, хоть в сердце боль,
Собою вполне владею...
Безумца смешного роль –
Это не роль злодея!

И пусть я убог и сир.
Согласен, с клеймом изгоя,
Любить всё ж тот самый мир,
Лишён, в котором покоя.

2000

Промелькнуло времечко нежданно...
В миг цветенья разве не вчера
С самой нежной, самою желанной
Над рекой встречал я вечера?

У девчонки – косы ученицы,
На лице наивный взлёт бровей.
Я давно в неё успел влюбиться,
Не умея в том признаться ей.

Всё, что мы друг другу не сказали,
Опасаясь невзначай солгать, -
Говорили бессловесно дали
И реки задумчивая гладь.

Восхищались мы огнём заката,
И мечты летели на звезду...
Всё прошло, всё кануло куда-то.
К той реке уже я не приду.

Та река и годы те далече.
Словно дым рассеялись мечты.
Я один встречаю алый вечер.
Лишь во сне ко мне приходишь ты.

Август 2000

Сердце, тише стучи!
Ты уже у меня на пределе.
Улетают грачи,
И как листья, несутся недели.

В вышине птичий зов
На багряном напрасен восходе:
У песочных часов
Уж последний запас на исходе.

Горевать ни к чему.
Сердце пусть разорвётся на части...
Пожелай улетающим счастья!
Неизвестно, труднее кому.

Октябрь 2001

море Инское

Над весёлой Инскою долиной
Смельчаки разбивали палатки...
Быт ваш сладенькой не был малиной,
Не играли со стужей вы в прятки.

Мириады огней не напрасно
Вам, романтикам, снились ночами,
И о море мечтали вы страстно, -
И возникло оно перед вами.

И чаруя своей красотою,
В гости чаек порой зазывает...
Или резвою в бурю игрою
Злого демона изображает.

От игры той душа не в укоре...
Созерцая в восторге такое,
Я кричу: «Я люблю тебя, море!
Чудо-озеро, море Инское!»

Ты навеки мне стало родное,
Ты могучей энергии – мама.
Есть от Бога в тебе... и земное,
От тамтама... и пляски шамана.

Ветру память – не тяжкое бремя,
И поёт берегам он о давнем:
«Вас родило Великое время,
И плотину, и волны, и камни...»

Апрель 2008

свидание с луной

Зацепилась луна за карниз
Городского панельного дома...
Ну, скорее же, прыгайте вниз,
Белолицая примадонна!

Побреду я за Вами вослед,
Молчаливую... разве не странно:
Ваш печально-торжественный свет
Мелодичен, как меццо-сопрано?!

Вам, уверен, Петрарка был рад,
И Бетховен любил вас безумно –
Ведь одну из волшебных сонат
Он назвал не какой-нибудь - «Лунной»!

Был Куинджи от Вас без ума,
А Серёжка Есенин – тем более!
Всё Вы знаете это сама...
Ну, а я... исключение что ли?

Я смотрю Вам, Мадонна, в лицо.
Взгляд мой словно к нему приморожен.
Я считал бы себя мертвецом,
Если б не был поклонником тоже.

Скроет Вас от меня горизонт,
Или спрячут ревнивые тучи,
Будет всё ж, примадонна, озвучен
Вашим меццо-сопрано мой сон.

2009

Петrarка – Лауре

Мы ни в чём не виноваты
Перед святостью любой.
Наших встреч случайных даты
Обозначены судьбой!

Только ведь она – слепая.
И без умысла и зла,
Ничего не понимая,
И свела и развела.

И дорогою окольной
Унеслась давным – давно.
Что кому – то очень больно,
Ей, наверно, всё равно.

На неё нелепо злиться...
Чтоб рассудок уберечь,
С нею надо примириться:
Позабыть секунды встреч...

Только память, только память
Как ведро не утопить,
Не закинуть словно камень,
Как свечу не погасить.

Сердца трепетного стоны -
Нет, не в золото монет -
Превратятся пусть в канцоны
И хрустальный звон сонет.

Простирая к небу руки,
Я несу любовь к тебе -
С благодарностью за муки,
С благодарностью судьбе.

1 марта 2006

А в саду моём нынче пороша:
С белых вишен летят лепестки.
Ветер, другом, ты был мне хорошим.
Дружбе ты поступил вопреки.

Для потехи ты целому свету
Рвёшь цветения тонкую нить.
Я жестокую ветреность эту
Не сумею тебе извинить...

Для спасения, нет, не для мести,
Пусть посорваны с веток цветы,
Запалю я костёр в поднебесье.
Вознесусь от печали в мечты.

Май 2005

посещение могилок в Троицкую родительскую субботу

День этот преблагодатный
Чтит православный народ:
Тихо, под сердца набаты,
В гости к усопшим идёт.

Сколько они не бывали?
Год, или два, или семь?..
"Милые! Где пропадали?" -
Может быть, слышится всем.

Дверцу откроют оградки,
Вырвут сорняк с бугорка,
Новой подвысеют травкой -
Эта работа легка.

Эта работа от сердца.
Руки опустят цветы.
Стукнет чугунная дверца,
Вздрогнут прощально кресты.

Светлая с милыми встреча
Неба засветит окно,
Там где превечная вечность,
Там, где грустить не дано.

Все мы с той вечностью слиты -
Разве не в том благодать?..
Пусть нас утешат молитвы,
Только не надо рыдать!

Всем, и в тебя кто не верил,
Кто заблуждался порой, -
В Царство Небесное двери,
Боженька, добрый, открай!

Июль 2011

мир любви

О чём же петь?..
Конечно, о любви!
Ликуют пусть порою ветры злобы...
Ведь для любви не нужен мир особый.
Про то всех лучше знают соловьи.

А соловей
ведь петь не будет зря.
Несутся трели лунной ночью в мае...
И существо любое понимает:
Подлунный мир чарует соловья.

И если вдруг
друзьями ты забыт,
И если боль почти невыносима,
Пойми, что это - только пантомима,
А мир любви, он каждому открыт.

Распахнут и раздвинут
мир любви:
Замри и слушай шорохи и пенье,
Лови восхода первые мгновенья...
Ты любишь их?.. Они твои...твои!

Они твои -
и степь, и облака,
И целый мир, где ищет каждый друга...
Скорее из унынья вырвись круга,
Не сорван голос на ветру пока!

Май 2009

воспоминания первоклассницы о первом детсадовском дне

В детский садик, в первый день,
Было мне вставать не лень:
Я проснулась очень рано,
Умывалась из-под крана.
Зубы щёткою почистив,
Мыла руки с мылом чисто.
Полотенцем вытирались...
В детский садик собиралась
С бабушкой любимою
И незаменимою.

Сразу там нашлось мне дело:
В хоре я всех лучше пела.
Воспитатель - пианистка
Мне сказала: " Ты артистка! "
С нею я была согласна...
Есть согласные и гласные,
Буквы гласные люблю -
И поэтому пою!

Был обед. Мы еле - еле
Угощенья одолели:
Борщ, с картофелем котлеты...
К чаю дали и конфеты.
Я конфетки раздевала
И на фантики меняла,
Потому что на бумажке
Сильно нравились ромашки

Ненадолго Оля с Юлей,
Я с Мариною уснули.
Только кончился сон-час,
Всех ждала прогулка нас:
День чудесный, солнце светит...
Как не радоваться детям!
Даже белки - непоседки
С веток прыгали не ветки.

Возвращаться в садик стали -
Нас синицы провожали
И кричали на прощанье:
" До свиданья! До свиданья!.."
Ровно в пять дружочек мой
Повела меня домой,
Бабушка любимая
И незаменимая.

Солнце село. Ясный день,
Плащ накинув, скрылся в тень,
Убегая от меня,
Сев на быстрого коня,
Крикнул: " Спать пора давно!..
К вам вернусь я всё равно!
И всему - всему на свете
Будут радоваться дети
С бабушками, мамами -
Дорогими самыми..."

18 апреля 2008

благодари «Кого не знаем мы»

(Проповедь богослова—самородка)

Благодари ни мать и ни отца,
Что дали плоть. Благодари Иного,
Чьё и в лучах не различить лица,
Не уловить единственного слова.

Не постижим Он испокон уму
И никогда разгаданным не будет,
Но мрак и свет принадлежат Ему
И боль, что чувствуют и зверь и люди.

Из урагана невидимок-душ
Искрой мелькнёт лишь только раз, любая:
И выползет на свет, быть может, уж,
Родит кротица кротика, слепая.

Благодари «Кого не знаем мы»,
Что не рождён ты волком или рысью.
Вот только бойся – вовсе не сумы –
Себе блаженство обрести корыстью.

На всех делил Христос один кусок
И шёл к любому не с войной, а с миром,
И потому восстать из мертвых смог,
И потому с Иудой проклят Ирод.

Благодари «Кого не знаем мы»,
За то, что вдруг нисходят к нам пророки,
Чтоб именами называть пороки
И мир спасать от алчности чумы.

Январь 2006

покаяние атеиста

Прошу прощения у Бога
И над собою суд вершу,
За то, что жил я так убого,
Что дни былые ворошу.

Как будто мерзкие страницы
Я рву из памяти моей,
И не могу остановиться.
Мне всё больнее и больней.

В себе свой мир вчерашний рушу.
И Бога умоляю я
Освободить от боли душу,
Чтоб жить мне, этот мир любя...

И снизошёл Всевышний, то есть,
Во сне подал мне голос свой:
"Читай Моих пророков повесть
И в радость верь - пока живой..."

Март 2004

На распутье стою, одичало,
Взор, вонзив в беспредельную высь...
Где-то там наше с вами начало,
Где-то прежде мы там родились.

Где-то там сотворённые души.
Атмосферу земную пройдя,
Появляются зернышком груши,
Чтоб назвать себя именем «Я».

И во времени Я, и в пространстве...
Где возникнуть?.. Когда?.. и кому?.. -
Даже в самом провидческом трансе
Отгадать не под силу уму.

Это словно игра в лотерею –
Повезёт или не повезёт:
Роль достанется то ли злодея?
То ль пророка Земля обретёт?

И ни чьё-нибудь Я – не чужое,
Кроме прочих бесчисленных Я,
Именуемое «Душою»,
Неродившийся!.. ждёт и тебя.

Я придёт... и уйдёт восвояси
От безумства... страданий... проблем...
А вопрос будет также не ясен:
Это нужно всё было – Зачем?!

Июнь 2004

Мчать по жизни каково,
Не имея в сердце бога?..
И не верил бы в Него –
Только легче с Ним дорога.

Одичавшему в пути
Самый крепки посох – Вера.
И надежней не найти,
Даже это пусть химера.

Утешенье – небеса,
Роща тёмная и поле...
Верьте!.. Нет, не в чудеса –
Неизбывной к жизни Воле!

10 февраля 2006

исповедь «ненормального»

Как другие, я жить не умею:
Вижу вдруг – впереди водопад!
Крикнуть надо: «Спасите!» - Немею...
Помолчать бы – кричу невпопад.

Я кричу: «Господа!.. Вы же – воры!!!»
И - в кутузку меня, под замок.
Над собой хохочу до уморы:
Жить совсем ведь иначе бы мог.

Избежал бы напасти лихие,
В мире этом так не был смешон, -
Если делал бы всё, как другие,
И в горячке не лез на рожон.

Уж, такая мне выпала доля:
Кто-то должен ведь быть чудаком...
В лес уйду или, может быть, в поле
И досыта наплачусь тайком.

12 сентября 2007 г.

завещание политика

Второй инсульт – а голова трезвее,
И начинаю я корить себя,
За то, что плыл не прямо, а левее,
А то – правей. Иль вовсе не гребя.

Вертели мной идеи как хотели,
Куда меня нелёгкая несла!
И вот – лежу прикованный к постели,
И нет уже ни лодки, ни весла.

Умру – от речки схороните в миле...
Поскольку всё ж в политике везло,
Прошу, не ставьте крест мне на могиле,
Положьте лучше лодку и весло.

5 ноября 2007

Рифмы на дорогах

рай – Земля

(Сказка об одном поэте)

Шёл поэт во тьме, по бездорожью...
Выбиваясь из последних сил,
Не надеясь уж на милость Божью,
Сам себя стихами веселил:

-Вот уже к концу моя дорога,
Впереди не рай, конечно, – ад.
Потеряю, может быть, немного.
Даже, может, аду буду рад.

Опускаясь, может, по спирали,
Весь пройдя за кругом круг маршрут,
Я скажу: - Мы это уж видали.
Сатана! Вы не палач... Вы шут.

Что костры? Я вовсе не из робких,
Вы меня не испугали, бес.
На земле у нас пожарче топки –
Как-никак, а всё-таки прогресс.

Домны – это вам не сковородки,
Кокс – вам это вовсе не кизяк.
К вам чертям с рогами и бородкой,
Интерес давным – давно иссяк.

Лучше вас умеют козни стряпать
Те, кто с виду словно ангел чист...
Вы в аду слыхали про гестапо?
Вас, чертей, в аду пытал садист?

Вы в ключах любви хоть раз кипели?
Предавал вас самый близкий друг?..
Вижу, Сатана, вы онемели,
А на морде дьявольский испуг.

Ну, о чём тогда ещё судачить
С вами мне, милейший Сатана?
Лучше сбегай, принеси без сдачи
Для прописки водки иль вина.

Ведь у вас сухого нет Закона?
Черти пьют, но не теряют вид...
Для поэта ад – покоя зона!
И зачем ему лететь в зенит?!

Уж давно и догадалась тля:
Кары нет суровее, чем «вечность».
...Что душе искать в созвездье Млечном,
Если ближе и родней Земля?!

И Господь в ответ на «ересь» эту
Возгласил: - Святая правда в том!
Рай-Земля! Другого рая нету...
И для радости, и скорби –дом.

...И вернулись вдруг к поэту силы.
Засверкали вдалеке огни:
И нашёл он след к пенатам милым,
И его ещё продлились дни.

1989, Декабрь 2013

ДОЖДЬ

C. Бабич

Смолк над садом дождь... И снова ожил!
Становясь всё яростней, смелей,
Вдвое силы прежние умножил,
Словно был не дождь, а водолей.

Промывал он листья и хвоинки
И кору деревьев очищал.
Будто бы на пишущей машинке
Клавишами-каплями стучал.

Он как будто сочинял поэму,
И стихи во всю неслись волной.
Может быть, тогда он выбрал тему:
От потопа как спасался Ной.

Испечатав к ночи все листочки,
Завершив свою поэму, он
Три последние поставил точки
И исчез – ушёл за горизонт...

А наутро солнце осторожно
Над землей умытою взойдя,
Засверкало в травах придорожных,
Прославляя творчество дождя.

10 октября 2012

утро в деревне

C. Бабич

Какой рассвет и тишина!
Не вздрогнут спящие деревья...
В кругу полей совсем одна
Стоит безмолвная деревня.

Не ярок свет небесных круч,
Но горизонт уже проснулся,
И самый первый солнца луч
Высоких тополей коснулся.

Осот примял и лебеду,
Обрызганных росой хрустальной,
К реке тихонько я бреду,
К такой задумчивой, зеркальной.

Случайный слышу трепет птиц
В кудрях осинника и ивы.
И вот уже – слетают ниц
На пробу первые мотивы.

Луч света тронул лопухи
И засверкал, и заискрился...
Пора!.. Запели петухи!..
Рожок пастушеский залился!..

Июнь 2009

метаморфозы

Молод был. Душа алкала
Приключений каждый миг:
Плыл по рекам, лез на скалы...
А сегодня он – старик.

Со старушкой... понемногу
Ковыляет старишок;
День прошёл – и слава богу,
Двери дома – на крючок.

Лишь одно тревожит деда,
Не смыкает ночью глаз:
Внук такой же непоседа,
А точнее – скалолаз.

Убедил он даже маму,
Что его с рождения крест:
Посетить в Тибете ламу
И взойти на Эверест.

- Это уж всех выше мер, -
Дед сказать, намерен внуку, -
Лучше двинул бы в науку,
В медицину, например.

Чересчур и дед был смел –
Да столкнула вниз лавина...
Кто б его спасти сумел,
Если бы не медицина?

9 апреля 2013

здравствуй, Оля... *(диалог)*

- Здравствуй, Оля!
Мне поверь,
В облаках мечты летая,
Ночь не спал я,
представляя,
Как откроешь ты мне дверь.
- Что ты хочешь?
- Ничего...
- А чего тогда приперся?
- Если честно,
без притворства -
Пса погладить твоего!
Самый милый из зверей,
Не кусает он людей,
Он, как ты, такой же рыжий,
Только чуточку добрей.

5 апреля 2013

по планете девочка идёт

По дорожке девочка идёт,
Что-то потихонечку поёт,
Шевелятся губы-лепестки,
Голосок журчит, как ручеёк,
За спину – школьный рюкзачок,
А шаги - отчаянно легки.

Песенкою так увлечена,
Что на встречных не глядит она:
В сердце – утро, солнце, и апрель.
Ангелы, быть может, о весне
Песенку напели ей во сне
Под ночную робкую капель.

И теперь та песенка – кумир
Весь её заполнила мир
И, быть может, нотную тетрадь...
По дорожке девочка идёт,
Что-то очень радостно поёт...
...Это чудо мне не разгадать!

Грустным был я – стал весёлым вдруг,
Словно радуги увидел круг.
Счастья мне преподнесён урок!
...Оптимизма девочка полна.
О! Как в этом девочка сильна!
В остальном же – слабый мотылёк.

Я готов упасть и умереть,
Лишь бы ту девчонку уберечь
Ото всех страданий и невзгод.
Пусть её та песенка-кумир
От печалей исцеляет мир
И счастливей делает сирот!

По планете девочка идёт,
Песенку весеннюю поёт...

18 апреля 2013

со мной исчезнувший Союз

Познал и я добро и зло,
Но, вопреки страданий залпам,
Я говорю: "Мне повезло!.."
А было мне везеньем – Ялта.

О, Ялта!.. О, "Ешиль - Ада"-
Больных малюток санаторий!
Я там... Я с вами навсегда,
Со мной навеки рокот моря.

В моём я детстве остаюсь...
Что мне до лепета и гвалта!
Со мной - исчезнувший Союз,
Со мной - "Ешиль - Ада" и Ялта.

"Ешиль - Ада", "Ешиль - Ада"-
"Зелёный Остров" в переводе,
Ты был второй мне мамы вроде,
Когда со мной стряслась беда.

Я умирал... Но в сотый раз
Чины в лечение отказали:
"Периферия, вон!" - сказали...
И волокиту, и отказ
Пресек лишь он - Иосиф Сталин.

Письмо от матери к Нему
Быстрей, чем думалось, вручили.
Быстрей, чем думалось, в Крыму
Меня уже врачи лечили.

Был Южный берег Крыма Им
Всего Союза детям отдан.
За то и всеми был любим,
За то и "культ" народом создан.

Он был к врагу порой жесток...
Но камень я в него не брошу -
Никто им поднятую ношу
Другой бы вынести не смог.

С поклоном в прошлое смотрю...
Салюты, вспоминая Мая,
Творцов побед благодарю,
Вождя у них не отнимая!

Что мне до лепета и гвалта!
Седой... Я в детстве остаюсь:
Со мной - исчезнувший Союз,
Со мной - "Ешиль - Ада" и Ялта.

19 июня 2013

не забудь ко мне дорогу...

(к годовщине наводнения летом 2013 года)

Мирно - бережно Амур
Воды к морю нёс на Дальнем.
Хоть и помнил звон кандалльный,
Сроду не был он скандальным...
Весел... но не чересчур.

Если так... То почему
Амур-батюшка озлился?
Видно, вовремя к нему
Тот, кто должен, не явился.

Не спросили: «Ты, Амур,
Отчего так сильно хмур?..»

Сколько лет из берегов
О беде волна кричала:
«Только ради капитала
Полтайги уже не стало,
А «крутым» всё мало, мало!..»
...Что тайга для либерала?..

Из высоких берегов
Ринуться девятым валом
Был Амур давно готов.

Только тем не до реки,
Кто обязан был явиться, -
Главы, помы, замы, вицы... -
Государственные лица,
Им важнее – заграница.
Все как есть – не дураки!..

А когда с бугра бомонд
Из бинокля посмотрели –
Сразу так и обомлели:
Там уже народный фронт
Затыкал по дамбам щели...

Сразу тут был брошен клич:
«Помогаем все! Чем можем!
Ведь живём в Росси всё же!»
И элита, и опричь...

Сколько нас!.. Кто на виду
Жил с душою нараспашку –
Отдавал Стране в беду
И последнюю рубашку...

Не подвёл и в этот раз
Люд простой, не проворонил –
Никому не на показ
Был героем в обороне!..

Гнев Амур-реки остыл,
Видя мужество народа.
Он, Амур, ведь добрым был,
Добрый родила природа.

Возвращаясь в берега
Потихоньку, понемногу,
Прокричал: «Пока! Пока!..
Не забудь ко мне дорогу,
Прибывший издалека!»

Май 2014

союз «Евразия»

Переживя времён крутых разор,
Опять Россия набирает силы.
И, устремляя в будущее взор,
Не хочет вспоминать о том, что было.

В объятья наши возвратился Крым,
И с Азией мечтаем о Союзе.
Мы Новый мир наш снова создадим
И укрепим прочней былого узы.

Народ о том мечтать не уставал.
Нет дружбы ничего для нас дороже.
Её возводим мы на пьедестал.
Мы и с Галактикой дружить готовы тоже.

Летите, инопланетяне, к нам!
Инопланетный мы дворец построим,
И пусть для всех открыт тот будет храм,
Приветом каждый будет удостоен.

Не первый я в мечтах тот строю мир:
О нём мечтали, грезили поэты,
Один из них – мечтатель Велимир.
Союз «Евразия» давно им был воспетый.

«Земшара председатель» - не ему ль
Друзья то звание, шутя, вручили?
И не было известно никому,
Что те мечты пророческими были.

Мы Евразийский создаём Союз,
И это не в мечтах уже, а в яви.
Едины мы – и Беларусь, и Русь,
И Казахстан, и все, кто дружбу славит.

Совсем не лёгок к единению путь,
Но лишь за тех душа проголосует,
Всемирной дружбы кто постигнет суть,
Кто за Союз, кто слов не тратит всуе.

Вот только жаль, что Украина вновь
Страдает под нацистскою пятою, -
И льётся женщин и детишек кровь,
Но это - и ООН не беспокоит.

Слова, слова - и больше ничего:
За преступленья – никого к ответу...
От возмущенья, знаю, моего
Ни даже капли малой пользы нету.

Но коль ведём о Дружбе разговор,
Клянёмся не бросать в беде, коль скоро,
У Каина пора отнять топор,
Чтоб не легла на души тень позора.

Я верю, на скамью возмездья в срок
Из Киева нацисты сядут всё же,
Их мир осудит – не один Восток!
И никакой Обама не поможет...

Сменила буря вдруг душевный штиль...
Кричу про то, о чём молчать не в силах:
Провозглашён коль о Союзе билль –
Хочу, чтоб дружбы песня победила!

8 июля 2014

единственный способ

Нет стабильности в мире,
Сколько мир ни проси,
Ни в Ираке, ни в Сирии...
Стон – во Древней Руси.

Не за Киев ли бились
Чудо – богатыри?..
Вдруг - опять объявились
Дикари – упыри.

Снова гаубиц выстрелы,
Клич нацистских идей...
Как при Ироде – Гитлере
Жгут малюток – детей.

Знают и первоклассницы:
Брат Кузбассу – Донбасс.
Ополченцы – донбассовцы
Защищают и нас.

Защищают от монстра
Русь – праматерь они,
Встали, как краснодонцы
В злые, грозные дни.

Мать ответить не может
На удары войной...
Чтоб смертей
не умножить,
Способ ищем иной.

Безо всякой апатии
Верим в разум людей,
И ещё – в дипломатию,
Что орудий сильней.

Без икон и с иконами
Мира люди, сейчас
Голосов миллионами
Защитите Донбасс!

Есть единственный способ-
Всенародный вердикт!
Монстра дикого особь
Только он победит.

15 августа 2014г.

рабочий класс

Рабочий класс –
опора и основа,
Как жаль, что ты
ушёл сегодня в тень.
В лучах тебя
хочу увидеть снова
И песней чтоб звучал
твой каждый день.

Хочу, чтоб знал шахтер,
спускаясь в лаву,
Что труд его,
как истина, велик,
Что он, горняк, -
несёт России славу,
А режиссер - его снимает лик.

И металлург, пускай,
и пахарь в поле
Уверен будет
в доблести своей.
И будет горд
своей рабочей долей,
Знать будет –
доли нет, его светлей.

Я не хочу
ничьей принизить чести:
Ученый, врач ли,
воин ли, юрист...
Рабочий класс – мы все,
повары и вместе,
Коль – патриот России!..
Оптимист!

И президент,
скажу не ради слога,
Сегодня
трудоголик – не король,
Пускай – не коммунист
и верит в Бога,
Но в мировых делах –
планеты соль!

Но тех,
кто предал Родину однажды,
Советников нанял за рубежом,
Я назову:
нечистой силой вражьей,
Что проползла
в рабочий класс ужом.

И рухнул наш,
ещё вчера могучий,
Союз...
Но оживает вновь:
Восточный ветер разгоняет тучи,

И впереди - в лучах маячит новь.

Рабочий класс,
как раньше, так и ныне
Лишь об одном мечтает –
созидать.

Не дай нам Бог
взорваться вновь на мине.
Что в бой опять
поднять заставит рать.

Кому нужны
пиры кровавой бойни
Как в собственной,
так и в чужой стране?

Долой все драки
и долой все войны!
Но к ним должны –
готовы быть вполне.

Коль будет наш
рабочий класс - ведущий
И, если для России он – опора.
Нам нипочем и океан ревущий,
И мечущая камни санкций свора..

Сентябрь 2014г.

Новороссия

Это имя другого не просит,
Новороссия – имя твоё!
В этом имени – утро и росы,
И под россыпью звёздной – жнивье.

Ты звалась именами другими,
Только всё же, столетья спустя,
Это светлое, нежное имя
Всплыло будто из небытия.

Новороссия – России дочерь,
Словно в поле – одна борозда.
Как же жить ей без Пушкина строчек?
Рядом с нею беда – не беда.

Вместе гнали когда-то Петлюру –
Что ни гость – самостийный барон.
И неслись наши кони аллюром,
Провожая гостей за кордон.

Только в этом отчаянном вихре
Имя вдруг потерялось твоё,
Может быть, обронили в жнивьё...
Позабыли... К другому привыкли.

И потом – было не до имён:
Чтобы мир не погиб от чумы,
Под победные всплески знамён
Гнали зверя до логова мы.

И скреплённые днями одними,
Общей кровью событий и дат,
Мы не близкими были – родными,
Общий долго растили мы сад.

Но окрепла враждебная сила:
Ради власти и сказочных благ –
Ночью темною сад порубила
И взметнула предательский флаг.

И взялась выкорчёвывать рьяно
Сила та наши корни и речь,
И, наверное, было бы странно,
Если б жертва не вынула меч.

Сколько нас сожжено и убито
Тех, кто зла не нанёс никому,
Кровожадною псевдоэлитой?..
Богу ведомо лишь одному.

Всё же знамя победное взвито.
И, как чуду, дивятся умы:
Всплыло вдруг то, что было забыто –
«Не Донбасс – Новороссия мы!»

Новороссия – России дочерь,
Словно в поле – одна борозда.
Как же жить ей без Пушкина строчек?
Ей с Россией беда - не беда...

Разве дочь отдадим на закланье,
Как пожару степное жнивьё?
Новороссия – имя её,
Крови русской исконно созданье!

Фактом этим взбешён Вашингтон:
«Не вчера ли, как жить, вас учили?
С вами было всё то - же, что в Чили...
Не перечит нам даже ООН!»...

Шлют нам санкции, шлют... и за что?
Что в ладоши не хлопаем зверству.
Очень больно российскому сердцу...
Не уйдёт от расплаты никто!

Будет дань за людские страданья,
Будет суд... Очевидцев – не счасть,
Будет суд самого мирозданья.
Мирозданием – не пренебречь!

4 октября 2014г.

а война всё грохочет

Не арены Мадрида
и совсем не коррида –
Зверь, галантного вида,
от нацистских идей

пожирает людей.

Все в крови его губы.
Он особенно любит
старцев, женщин, детей.

В поле сам не выходит,
лишь бинокль наводит:
«Кто ещё там живой?..
Мой желудок – пустой».

А в ответ – только охи:
«Зверь, дела наши плохи –
разложенье и тлен.
Вместе вдруг с ополченцем
полк увидел чеченца -
сдался сразу же в плен.

Бьют нас пушками теми,
что отняли у нас –
вот такой он, Донбасс...

Нам бы, самое время,
поберечь своё семя –
Тимошенко в кредит
нам народ не родит...»

В Вашингтоне, в Брюсселе
для галантного Зверя
открываются двери.

Хоть пусты Зверя банки,
самолёты и танки
просит за океаном.
У кого? У Обамы.

А в ответ: – Сколько хочешь!
Коль Москву опорочишь...
- Понял! Что-нибудь срёмим –
борт гражданский угробим.
Он в куски разлетится
на российской границе...

Слаб злодей на умишко –
как задумал, не вышло!
Факт за фактом притом
говорят о другом.

Уж давно, если честно,
кто убийца – известно,
но все жуткие драмы –
в тайных сейфах Обамы.

А война всё грохочет –
с Новороссией мира
Зверь галантный не хочет.

Но хитёр сатана:
передышка нужна,
а иначе – хана!

Врёт про мир, не стеснясь,
жрёт людей, обжираясь...
Почему же в палатах
Зверю жмут всё же лапу?..

И всё копит он силы,
хочет то он осилить,
что осилить нельзя.

В генах вольности кода
не отнять у народа.
Против Зверя – Природа
и Вселенная вся!

12 октября 2014г.

вера

Новороссия! Верю в тебя!
Верю так же как в Приднестровье,
Что судьба у тебя – своя.
Не покорством добыта, а кровью.

Ведь свободу нигде, никогда
Не дарил олигарх добровольно,
Но способен народ иногда
Заявит олигарху: - Довольно!..

Верю в вашу рабочую власть,
В пролетарский рассудок свой здравый.
Верю, вас ни за что не сломать
Ни стрельбой, ни посулов отравой!

Верю в ясную вашу судьбу
И в шахтёрскую силу и стойкость,
Что у всех на глазах, на виду
Крепит мира надёжные стойки.

Каждый честный землянин – с тобой
И готов, даже жизнью рискуя,-
В твой разбитый спуститься забой
И подняться на передовую.

Нет, не сломлена вера в людей,
В дружбу их на чудесной планете.
Лучше всяких доктрин и идей –
Быть за каждую душу в ответе.

Потому прокричать я готов:
Нас постигла за промахи – кара!
Тлен “крутых” 90-х годов
Отравил легковерных угаром.

Только те, кто предательству рад,
Кто считает, что свастика – мода,
Пусть припомнят слова: Сталинград
И Берлин 45-го года!

3 января 2015

звездное царство

(погулка в прошлое)

Ночь... Луна... Раздолье снежное.
Даже чуть не по себе.
И суровое и нежное
Что-то есть, мой край, в тебе.

В синих кряжах – азиатское,
В перелесках – дух Руси.
Оттого, что стужа адская,
Сибиряк не загрустит.

Лунный свет сманил разбойничий,
В царство звездное меня...
Вдоль канала тихой полночью -
Распевучая лыжня.

То бегу прямою линией,
То замру порою вдруг:
Золотым сверкает инеем
В лунном свете мир вокруг.

ГРЭС вдали огнями светится,
И посёлок в звездах весь,
Словно с дочерью Медведица
Накидала их с небес.

Нет, не ангелы небесные -
Добровольцы звонких лет,
И прилётные, и местные,
Здесь костров рождали свет.

Грел и сам я под фундалянты
Эту землю по ночам.
И дома вставали каменные,
Солнца радуясь лучам.

Не из сказки чудо русское,
Детям читанное вслух, -
Где струилась речка узкая,
Заплескались волны вдруг.

Пик припомнил я волнения:
Кто тогда запеть не мог?..
Под турбины первой пение,
Что дарила первый ток!!!

Сколько лет минуло, кануло
С тех уже далёких пор...
Но турбин семейство заново
Слышиу я мажорный хор.

Снег замёл округу всю,
Море-озеро заковано,
Но оно - не заколдовано -
Море трудится вовсю!

Только я уже строителем
Сам себя не назову –
Лунных стал ночей любителем,
Прошлым дням кричу: « Ау!..»

Лунный свет сманил разбойничий
В царство звёздное меня...
За посёлком тихой полночью
Распевучая лыжня.

1968, декабрь 2014

покинутый дом

Возле ветхого дома
Странный странник стоит.
С домом, как со знакомым,
Говорит, говорит:
 - Как давно ты заброшен,
Мой родительский дом!
От тоски перекошен,
Не наполнен теплом.
Ставни в петлях осели
И скрипят на ветру,
Словно вдруг захотели
Помолиться Христу
За ушедших навеки
В мир, неведомый нам...

 - Сколько дому-калеке
Снится, видится драм! -
Это ветер осенний
Говорит о былом,
О другом поколеньи
И про самый тот дом. -
В нем друг друга любили,
Но сердечная боль
В том, что их погубили
Темнота, алкоголь.
С пьяным в доме угаром
Сын сражаться не смог.
И за то ему карой
Стали муки дорог.
А когда он вернулся,

Чтоб обнять дорогих,
Вздрогнул дом, покачнулся:
- Нет уж их!..

...Возле отчего крова
Странный странник стоит,
Душу вырвать готовый,
Сам с собой говорит:
- Нет уж их... И прощенья
Мне уж не попросить –
Лишь дано в сновиденьях
С ними мне говорить.

Снилось мне: перед дверью
Мать стоит и отец.
Шепчет мама: «Теперь уж
Он не пьёт... Молодец!
Там излечится каждый -
Мы живем не во зле...
Хорошо, если б так же
Было и на Земле...»

У двери постояли,
Только в дом не вошли,
Мне рукой помахали
И исчезли вдали...
Что когда - то жестоко
Я оставил их дом, -
Мне ни слова упрека,
Ни полслова о том.
И всё вижу я сны:
Их оживших встречаю.
С грузом тяжкой вины
Как мне жить, я не знаю...

...Возле ветхого дома
Странный странник стоит.
Никому не знакомый,
Глядя вдаль, говорит:
- Да и дому – калеке
Сколько жить суждено
Без сердечной опеки?
Отгадать не дано...

...Вот стоит на дороге
Парень с юной женой,
Взгляд пронзительно-строгий
Врезан в «Терем» смурной.

Может в городе душно:
Газы, шум, суета,
Да и жить где-то нужно,
А зарплата – не та.
Может, парню по нраву
Сей провинции край:
Согра, воздух и травы...
Чем не сказочный рай!

- Заходи, бесприютный!-
Крикнул странник ему, -
Прежде дом был уютный.
Денег я не возьму.
Может, домик излечишь
За какой-нибудь срок:
Видишь, хмур он, как вечер,-
По любви изнемог.

И добавил он, кроме:

- За печаль – извини.

Тех, кто жил в этом доме,
Хоть словцом помяни!

Ни с кого не убудет,
Коль вздохнёшь иногда:
«Жили некогда люди...
Да ушли навсегда...»

...Помахав на прощанье
Юной паре рукой,
Скрылся странный тот странник
Со своею тоской.

Кто он, чей и откуда? –
Лучше ветра спроси...
Боль – не диво покуда
На родимой Руси.

Сентябрь 2014 г. пос. Калтайка

пускай кажусь я Дон Кихотом

Не частый гость я для редакций
В Советы скинувшей стране-
Хочу с глобальным злом сражаться,
Хоть зло в лицо хохочет мне.

Пускай кажусь я Дон Кихотом
Для тех, кто свой запрятал пыл.
Считайте так, кому охота-
Кихот не худшим доном был.

Мне на дороге незнакомка,
Остановясь, - Я знаю Вас...
Спасибо! - прокричала громко,-
За стих про мой родной Донбасс!

Страну Советов отстояли-
Была не зря пролита кровь,
Но до сих пор мы не поняли,
Пришёл фашизм откуда вновь?..

Я ничего ей не ответил:
Так явно близилась гроза-
Дул с пылью ураганный ветер,
И слёзы резали глаза...

Сказал мой критик-друг Валера:
-В твоих стихах трепещет жизнь,
Слышина в них в будущее вера...
Не в масть иным... А ты держись!

Вполне возможно, что потомки
Таких поймут, как мы с тобой,-
Ведь люди мы, а не подонки,
В стране творившие разбой...

И я держусь без крена, вроде,
Ещё я, вроде, на плаву.
Наперекор плохой погоде
- Тону!.. Спасите!.. – не зову.

Пускай мой стих очередной
Не напечатает газета, –
За свой триумф приму я это,
Не за удар под дых, больной.

Пойду в библиотеки, школы,
Полусиротский интернат, -
Где так ученикам я рад,
Что день не кажется мне долог.

Их души бреднем не ловлю...
Я расскажу им то, что вижу,
Что я фашистов ненавижу,
Скажу, что истину люблю.

Что нет постыдней из идей,
Чем равнодушным быть над схваткой
И, видя гибнувших людей,
Молитвой только упиваться.

Уж лучше пасть в бою с врагом,
Чем ждать неведомого чуда,
Когда враги взорвали дом,
А ты ещё живой покуда.

Мне жаль, что я уже старик,
Но не объял мне душу холод:
Кому-то, может быть, мой стих
Поможет чем-нибудь, кто молод.

Не виртуально, наяву
С мечтой о лучшем дни встречаю...
Вот только этим и живу,
А как иначе жить – не знаю.

5 октября 2015

так пелось мне

I

«Иду по свежей, утренней Москве,
Навстречу мне троллейбусы и Волги,
Но я сверну сейчас в ближайший сквер
И посижу, прощаясь с ней надолго.

Я в ней всего лишь мимолётный гость
И всё ж она мне бесконечно свята.
И как бы мне на свете не жилось,
Мне не забыть её размах крылатый.

Любая улица, любой в ней дом,
Как будто сотни лучших книг раскрытых.
- Не подступай, - шептал я, - к горлу ком, –
Когда ступал на Мавзолея плиты.

Не скорбь в груди хочу я сохранить –
Живительной хочу набраться силы,
Чтобы дорог разматывая нить,
Ты, жизнь была не лёгкой мне, но милой!»

II

Так в юности тогда-то пелось мне,
Рабочему, заочнику педвуза,
Когда в марксистско-ленинской стране
Советская со мной дружила Муза.

Я остаюсь Ей верен до конца
Я гимн пою Советского народа,
И либерала скальпелем лица
Не изуродую, что мне дала природа.

Июнь 1973 – 19 февраля 2015

*Пока в лицо
мне солнце светит ...*

*Памяти моей жены, друга,
Екатерины Николаевны
Устящевой*

Ты отошла... И нет возврата...
Во мне ты всё ж осталась той,
Какою ты была когда-то, -
Красивою и молодой.

Бессилен рок и мрак могилы
С тобою разлучить меня -
Твой лик в злаченой рамке, милый,
Целую - не проходит дня.

И вновь, и вновь с тобою там
Иду, где вместе мы ходили.
И пусть все это - только были,
Я их забвенью не приdam.

И по ночам, как прежде, снова
И без луны, и при луне
Твой голос нежно – родниковый
Твои доносит песни мне.

Ты пела: «Догорай, лучина,
С тобою догорю и я...»
В тот миг ты знала, что кончина
Уже совсем близка твоя.

Я молча плакал. Ты мне пела:
«Подари мне платок,
голубой лоскуток...»
Той песни, что мне душу грела,
Впитало сердце каждый слог.

Пока в лицо мне солнце светит,
Мой друг, тебе не быть одной.
И облик твой и песен трепет—
Они в груди моей... Со мной.

Май 2015

О себе.....	6
-------------	---

Простите чайки

<<Как вспомню Крым...>>	9
Русалка.....	10
Крым.....	11
Моей школе.....	13
<<Отчего мне так грустно становится...>>.....	16
<<Вошли в мой мир, как вор ночной, без стука...>>.....	17
На перроне.....	18
Вновь хочу увидеть море.....	20
Простите, чайки.....	22
Эвакуация.....	24
Память.....	26
Огольцы.....	28
Картина из детства.....	30
<<Вот и снова снег голубоватый...>>.....	33
Мальчишки.....	34
<<Опять покрылось небо мглою...>>.....	35
<<Стонет ставня словно мерзлый полоз>>.....	36
<<За окном морозная голубая ночь...>>.....	37
<<За окном всю ночь грустит гармоника...>>.....	39
<<Здравствуй, май!...Раскованность!...Свобода!>>.....	40
Майская ночь.....	41
Свердловску.....	43
Казахстанское утро.....	44
Возвращение.....	46
Маме.....	48

Праздник на час

<<Моим стихам чужда эстрада...>>.....	51
Ода весне.....	52
Машинист.....	54
Весенний день.....	56
Первый снег.....	57
Мой поселок.....	58
Родине Советов	59
Солнца—детям.....	61
На первомайской демонстрации.....	63
У памятника.....	64
<<На призывный крик скворца...>>.....	65
Свидание со степью.....	66
Махнем на север.....	68
Что жалеть о том цыгану (Пой цыганская струна).....	70
<<Холодны пускай рассветы...>>.....	72
На дамбе.....	73
На берегу.....	75
Артышта.....	77
Уголек.....	79
В больнице.....	81
Миг чуда.....	82
На Рижском взморье.....	83
<<Охватило пыланием листья...>>.....	84
Невидимка.....	85
<<Ах, осень! А осень такая...>>.....	86
<<Уже не синь, а только просинь.>>	87
Праздник на час.....	88

<<Когда на город снег летит...>>.....	89
Идеалу.....	91
Дикая яблонька.....	92
Выпускнице колледжа Оксане Юровой.....	93
Благодарю тебя, лето.....	94
Малиновый платок.....	95
<<Царство золота и тени...>>.....	97
<<Говори мне, говори...>>.....	98
<<Лишь было мигом лето...>>.....	99
<<Обезлюдевший пляж...>>.....	101
<<Снова апреля лучами...>>.....	102
Фрегат.....	104
<<Спешу, спешу...>>.....	105
Иду, где потемней дорожки.....	107
Быть может.....	109

Экспромты на ветру

Народ не простит.....	111
Ветер.....	113
Боль.....	115
Драма.....	116
Экспромт—ответ.....	118
Послание «демократам».....	121
Что делать?.....	123
Рыбак.....	125
Памяти Николая Рюмина.....	128
Памяти Александра Пархаева.....	129
Выбор.....	130

Надо!.....	131
Исповедь Дон Кихота.....	133
<<Промелькнуло времечко нежданно...>>.....	135
<<Сердце,тише стучи!..>>.....	136
Море Инское.....	137
Свидание с луной.....	138
Петрарка—Лауре.....	139
<<А в саду моем нынче пороша...>>.....	141
Посещение могил в Троицкую родительскую субботу.....	142
Мир любви.....	144
Воспоминания первоклассницы о первом детсадовском дне.....	145
Благодари «Кого не знаем мы».....	147
Покаяние атеиста.....	148
<<На распутье стою одичало...>>.....	149
<<Мчать по жизни каково...>>.....	150
Исповедь «ненормального».....	151
Завещание политика.....	152

Рифмы на дорогах

Рай-Земле	154
Дождь.....	156
Утро в деревне.....	157
Метаморфозы.....	158
Здравствуй, Оля!.....	159
По планете девочка идет.....	160
Со мной исчезнувший союз.....	162
Не забудь ко мне дорогу.....	164
Союз «Евразия».....	166
Единственный способ.....	169
Рабочий класс.....	171

Новороссия.....	174
А война все грохочет.....	177
Вера.....	180
Звездное царство.....	182
Покинутый дом.....	185
Пускай кажусь я Дон Кихотом.....	189
Так пелось мне.....	192

Пока в лицо мне солнце светит

<<Ты отошла...>>.....	194
-----------------------	-----

Устящев Виктор Яковлевич
Рифмы на дорогах
Стихи разных лет

Рисунки - автора
Составитель: Стародубцева О.Е.

Отпечатано:
Кемеровская обл., г. Белово, ул. Ленина, 44
Типография «Печатник»
Печать офсетная. Усл.п.л. 6,25
Гарнитура Times New Roman
Тираж 50 экз.

Адрес редакции:
652600, г. Белово, ул Юности, 20
Центральная городская библиотека
Тел.: 8(384-52) 2-60-42
E-mail: bibliograf.cgb@mail.ru

